АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Очерки 1916 года для газеты «Биржевые ведомости»

Гремящая тишина

Базель

1

В Швейцарии говорят о войне; и подчас интересно. Но у немецкой границы, в углу, где живу я, все вдруг притихают; замерзает бойкая речь, и... опускаются руки.

Климат здесь непереносимо тяжел; и тяжело придавила война самосознание жителей: оттого-то вот тяжелы взгляды, поступи, домики, земляные горбы, самый воздух, сырой и туманный, — сквернейший из воздухов, — от которого падают люди в одышках, в бронхитах; как-то кругло затуплено в «io» самое немецкое «ja».

— «Бааа-зель», — поднимает голос кондуктор.

Подлинно: это не город Эразма; и это — не город Гольбейна; а — «Бааа-зель»; и этот «Бааа-зель» молчит, — все в нем замерло.

Но... гремит с горизонта.

«Гремящая тишина», — вот куда вы приехали; девятнадцатый месяц со мною она в мертвом шелесте городов, в мертвом беге часов; утром, ночью и днем — все «гремит» с горизонта.

Есть особая тишина у швейцарской деревни этого угла Базельланда, не подобная тишине русских ширей, где сердце бунтует и где все необъятно: ветром несутся пространства, и падает небо на вас самоцветною звездочкой. Все под ним отступило: все — плоско, все — ровно; глаза упираются в переливы заката или в кудри косматого облака. И тоска или радость, — от которых нет выхода, — угоняют вас прямо в смерть, если не к внятно гласящему небу.

Здесь теперь в Базельланде все скученно: тоскливо, несуетливо, — но душно. Внятно гласящее небо закрыто здесь тучами; слушают голоса... внятно гласящих орудий.

Местные простолюдины к войне попривыкли: они ее слушают иногда — каждый день, иногда — каждый час; вот стоит себе обыватель и от него развевается в ветре листик местной газетки, оповещающей мир: о поставленном электрическом фонаре между двух соседних проселков и... о битве в Эльзасе. О фонаре он читает, а битву он слушает. Битвы в Эльзасе обычны: как падение местного водопадика, эти битвы сопутствуют вашей жизни; вон «оно» загремело, и «гремело» так год назад. Через год «отгремит» ли? Обыватели местных поселочков собираются посмотреть на фонарь в первый праздничный день, как они ходили когда-то под праздник на холм,

чтоб с холма дозирать за шрапнельными огонечками. Огонечки видны и теперь; но на холм уж не ходят.

Тишина русских ширей — прозрачная, ясная, внятная, окрыленная в самой своей грусти: *тишина ожидания*.

В моем тихом углу бесстремительно все; каменно тишина припадает: поникаете вы у себя на дому; поникаете в ожесточенно рыдающем зимнем ветре; поникаете в летнем безветрии; и все точно валятся на дорогах меж грудами черепитчатых домиков, друг другу подобных; валятся и молчат: тяжело говорят, тяжело глядят исподлобья; и — тяжело выступают.

«Гремит» с горизонтов.

Вот сейчас я пишу, а — «гром» непрерывен; глухой говор обычно подымется; глухой говор потом упадет; а сегодня многие говоры, перебегая друг в друга, сливаются в басовую, глухую и тяготящую дрожь... Так гремело всю зиму, всю осень, все лето, всю весну; всю прошлую зиму, всю прошлую осень; и так же валились прохожие между грудами черепитчатых домиков; и так же валились из окон, из-за груды перин, утомленные грохотом, каменно глядящие лица; протягивались из перин и уставлялись в закат… с таким выражением, точно из них выпирало сплошное, больное, от боли уже и тупое, полуживое «оно».

Ты подвиг свой свершила прежде тела —
Безумная душа…
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя;
Как в мрак ночной бесследно вечер канет, —
Венец пустого дня… —

говорит Баратынский.

И вот «*оно*», это тело, грохотом пушек утомленной души, с острия всей культуры, глядит «*оно*»... в листик местной газеты, оповещающей мир о постановке нового фонаря и... о битвах в Европе. Тишина Базельланда — «оно»; про «оно» поют петухи; и отбивает отчетливый колокол — всё про то, про одно: про «оно»; и «оно» здесь во всех; и «оно» здесь во всем; и все — в «нем»; по ночам «оно» почивает в перинах, так же слушая все, как тихо дзынкнет окошко, когда… громыхнет с горизонта.

2

Помню я день и час, когда «громыхнуло» впервые.

Были душные, знойные дни; и дни были — грозные; обсуждались усиленно телеграммы; и — спорили: швейцарцы, немцы, австрийцы, поляки; раздавались задорные, юные голоса; раздавались взрывы смеха в разгар шумных споров; спорили добродушно: в войну все не верилось; и вот она грянула. Это было под вечер, на закате: закат был малиновый; пророзовели верхушки Эльзаса; вдруг весть: таки — война. Как сейчас это помню: взволнованно подбегает ко мне мой приятель, черноусый статный баварец, берет меня за руки и говорит улыбаясь: «Так-таки мы

враги?» Я без слов пожал ему руку, вскоре он уехал на фронт; поразъехалось все, что смеялось, галдело и спорило: итальянцы, австрийцы и немцы; обитатели Базельланда галдеть не умеют...

Мое окошко — в долину; цветущие, белокудрые вишни весною глядят из него; вечерами восходят закаты; в него свистит ветер всю осень, всю зиму; над вершинами низкорослых деревьев — красная черепица; и дальше — равнина, упертая в холмистую даль; в синеватых далях граница; будто бы иногда распахнется там воздух: перед ненастьем особенно, и прорежутся темные гребни Эльзаса; вот оттуда-то и летит:

— «Ру-ру-рууу».

Порой отзываются стекла окон; вдруг не выдержат и расплачутся (люди вот более уж не плачут); немецкую пушку я знаю; а вот это невнятное «уу-уу-уу» — французская пушка. Так они говорят дни, недели и месяцы — девятнадцатый месяц! Но ко всему привыкаешь: и мы совершаем поездки из-под базельской деревушки: послушать Бетховена (не «ван» Бетховена, а просто Бетховена); но и под Базелем она: *гремящая тишина*; и сквозь звуки пасторальной симфонии прогрохотнет гремящая тишина с горизонта. Вошла в восприятие и живет в восприятии… ну, как пение комаров, визги ласточек, визг далеких трамваев или шум водопадика; и умолкни он, тут-то вы и заметите, что он был; когда «гремящая тишина» неожиданно станет безгромной, то обыватели говорят:

— А ведь вот: перестали стрелять!

Западный фронт упирается прямо в нас; он в каких-нибудь пятнадцати километрах; и поражает меня уже полное безучастие нас к кипению бурной жизни поблизости, полное неведение подробностей происходящих событий; иногда «гремит» непрерывно неделя, другая: в газетах — молчание; иногда «гременье» стыдливо, а пишут: сражение.

Тянутся сонливые дни; и проходят бессонные ночи; никогда еще меч сомнений не рассекал наши души с такою огромною болью; никогда еще разделение не кололо человечество с такою жестокою силою; кризис сознания пересекается с кризисом жизни; были же голоса — отчего их не слушали?

Я в туманную ночь открываю окно; из туманной мглы вылетают снопы: световое пятно загорится на туче; разбегается, угомониться не хочет: сигналы.

В первый месяц войны, Боже мой, что тут было!

В Базеле поразвесили объявления о возможности битвы под Базелем; по дорогам двигались пехотинцы; трещал здесь и там барабан; батареи с полей уставились по направленью к Эльзасу отверстиями пушек; в пыли фыркали лошади и белели султаны; скрипели телеги с фуражом, а сумасшедшие, исступленные кучки кричали, что надо бежать, что французы ворвутся в долину, а немцы ударят в нас пушками; говорилось об обстреле домов; этот дом — не опасен, а этот — опасен; а рука все тянулась к белеющей гряде гор, подымающейся над Рейном, из Бадена; там, оттуда-де — пушки: всё в пушках!

После — мы успокоились; еще изредка трещал барабан; в пыли фыркали лошади и белели султаны, а сумасшедшие исступленные кучки порассеялись по домом; пораспрятались тележки; и утомленные грохотом головы повылезали под вечер, как

прежде, из окон, из-за груды перин, переговариваясь с такими же, как они, утомленными головами, глядящими из окошек; каждый выстрел, мол, — ведь вот — убитые жизни; продукты, мол, дорожают; а что будет после; после — все успокоилось; хотя громыхало сильнее; а с белеющей гряды гор, где всё — пушки, те же пушки глядели как прежде.

Пели мирные петухи; колокола звонили в полуночи; с десяти часов вечера — ни души, ни огня!

3

И прошло десять месяцев.

Ни одного события здесь, все притихло и все выжидает; издали лишь военный оркестр вечерами наигрывал грациозные вечерние зори: прекратилась стремительность суетливых движений военных отрядов; изредка, загорелая кучка солдат покажется на улицах деревушки; и пропоется тут песня; разговоров о том, что, мол, выстрел — убитые жизни, — разговоров таких уже более не ведут; простолюдины как-то стыдятся говорить «об этом»; про убитые жизни — ни звука: говорят о керосине, о сахаре...

А «ру-руу», «уу-уу-уу» продолжается, как и прежде; нет, и звякнет стекло; отзовется; отзываются люди в душе: не отзываются в слове.

Вот закаты здесь хороши: лилово-багряные тучи несутся — клочкастые, быстрые — по бледно-зеленому небу; а то оно — грозное: рдеет кровью, быть может пролитою только что в пятнадцати километрах от нас; в этой гаснущей рдяности — блистательный треугольник из двух немигающих звезд и юной, хрупкой полоски серпа-полумесяца; огромные две звезды соединились так близко: Юпитер с Венерой — с любовью мудрость, и — над Эльзасом стоят; соединение — в небе; но на земле — разделение.

И говорит мне знакомый:

— Вы поедете на Дуриго?.. Ведь завтра Дуриго...

Дуриго чудесно поет.

— Посмотрите там: эти звезды...

— Там на днях пролетело до двенадцати аэропланов.

— То-то ночью стреляли…

— А как же Дуриго?..

Но о Дуриго мне думать не хочется; пусть все едут послушать Дуриго; пусть Дуриго чудесно поет; на Дуриго я не поеду; не надо Дуриго. И мне интересней Росмини — философ Росмини, тот самый, который самую кантианскую схему превратил в онтологию; надо же и мне развлечение: не все же слушать «рууу-руу» да глядеть на «оно»; у одних есть Дуриго, а у меня — онтология... Ведь и самое это «оно», из окна глядящее тело, не всегда глядит из окна, но... сажает плоды в огородике.

Тихими вечерами блуждаю по мирным тропинкам и вспоминаю знакомых на фронтах. Помнится один вечер, — с той поры прошел скоро год: на стекленеющем небе поднялся какой-то предмет и, розовея, повис в неподвижности; я на него засмотрелся; он же — стал розовым облачком. Нежное, оно истаяло вско-

ре; предмета уж не было; но рассказывали газеты, чем был тот предмет; там шел бой — столкновение цеппелина с аэропланами, кажется; кажется, кто-то кого-то там подстрелил (выстрелов я не слышал); но видел я: на стекленеющем розовом небе поднялся предмет и стал после облачком; облачко порастаяло; а куда девался предмет?

Это было уже скоро год; но все так же «гремит» с горизонта; из-за перины «*оно*», сонливо глядящее тело, грохотом утомленной души, все так же, все так же! — с отчаянием уткнулось в окошке глазами в газетку и машинально читает: о починке поставленных фонарей между двумя деревушками.

Здесь я должен отметить: спасибо швейцарцам! «Грохотом» утомленное тело местного простолюдина имеет чуткую и очень добрую душу; местные простолюдины все-таки по крови «германцы»; местные пограничные интересы все же кровно связаны с Баденом и Эльзасом; у того в Мюльгаузене — дело; у этого — близкие; треть населения в мирное время здесь — немцы, как, например, убитый в начале войны профессор истории искусства в базельском университете (пал же он под ударом штыка нигерийского негра). Но при этой естественной связи с «Германией», сколько видел я, «русский», здесь такта по отношению ко мне. Ни одного неделикатного разговора, ни оттенка вражды. Часто болтаю с утомленным грохотом простолюдином — все о том, об одном: мол, война; жалко, мол: что, мол, — люди.

Горизонты сознания

В грозные, знойные, душные дни
Белые, стройные, те же они…
Вл. Соловьев

Базель

1

Слушаю глухой говор орудий с эльзасской границы, и почему-то мне кажется: глухой говор знаком.

В глубине деревенских полей подымался он некогда; перепелиные крики стояли; из-за ржи, в васильках, кто-то там подъезжал; явственно громыхала телега: далеко, бессменно по вечерам на зоре. Бородатый лесничий, мой друг, на приступочке белого домика исподлобья, бывало, посмотрит, и спросит, бывало:

— А ведь… едет?.. Ведь едет же?

Перепелиные крики стояли; и *ехало*, не доезжая, там из-за ржи, в васильках; гремела телега ли… Пушка ли? Это было под Луцком.

Подъехала, и — кажется, белый домик разрушен уже — орудийным говором.

Глухой говор гремел над ночною Москвою, — тому назад десять лет, над апельсинником италийской равнины и в ковылях русской степи:

— Дни текут… Времена накопляются… Приближаются поступи сроков… И исполняются сроки…

Но разве не помните вы? Про 913-й год говорилось так много в крестьянстве; на год просчитало крестьянство; слышало и оно глухой говор событий, как его расслышал поэт:

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.
За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой –
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней.

Александр Блок

Не над Россией гремело: гремело в Европе, гремело над миром; гремит и доселе — за громами пушек: *грядущие громы*.

Слушаю глухой говор орудий с эльзасской границы; не удивляюсь ему; уезжаю в Базель гулять и подолгу стою над зелеными струями Рейна; над струями — чайки.

Каждый знает минуты невнятицы; я люблю подслушивать глухонемую невнятицу — полудрем, полумыслей; надо и их выговаривать членораздельно и внятно:

Парок бабье лепетанье —
Жизни мышьей суетня…
Я понять тебя хочу –
Темный твой язык учу.

Всякий знает из нас вот такую невнятицу: вдруг покажется, что в напряжениях материальной культуры надвое разрывается жизнь, что машины бьют в пульсы слабеющей жизни железными пульсами. Схватит такая минута стремительно в суете городов; и покажется вдруг, что… — вот он, фешенебельный господин манекен с угла уличной вывески рекламирует немой толпе — производство гомункула; и рост механической жизни покажется грозным наростом; пухнет опухоль городов — пора ампутировать опухоль; материальное тело жизни — раздуто чрезмерно.

Так невнятица скажет — так ответишь невнятице:

Я понять тебя хочу –
Темный твой язык учу…

Безотчетности эти переживаем мы все; и горизонты сознания вставали тут пред нами; горизонты гремели нам кризисом; материальную опухоль жизни (мы знали в те миги) пора ампутировать: человечеству угрожает гангрена.

И что мы узнавали в себе, то потом узнавали извне: узнавали из книг, узнавали в обычных беседах — в вагоне, в трамвае, в трактирчике между селедкой и водкой, — и испарение слова о чаемом воскресении мертвых в нас сливалось подчас с испарением винного погребка и плачущей скрипки оркестрика в лихорадочной атмосфере — пасторали над бездной.

2

«Бездна» была популярна; и даже была монополия «бездны»; «бездники» — русские, мы; уплощены люди Запада; тело Запада, роковое оно, «почиющее в гробе»; с легких слов Достоевского — почти с легкомысленных слов! — из драгоценной гробницы соборов, как желтая мумия, по убеждению нашему, в утро сознания нашего Запад вперялся — вернее, в зеленое-раззеленое петербургское утро.

Но как знать: может быть, слушало и «оно», тело Запада, как с горизонтов сознания медленно уплотнялась гроза, громыхающая у меня за окошком уже девятнадцатый месяц — без передышки, без умолку?

Непрерывно гремит кончик фронта; непрерывно гремит за ним фронт; непрерывно гремят все четыреста километров, быть может. Мне отчетливо ведомо, что все новые сотни тысяч людей, точно рожь в молотилки, ввергаются в ту же полосу: отгреметь у орудий; и, отгремев, может быть, опочить; от машины — к машинам — идут себе люди; в *гремящую полосу* (здесь на фабриках много есть иностранцев); гремящая полоса — острие всей культуры; вырвалась из руки человека — машина: сроились машины; и — бьют человека: существа непонятных, уродливых, многовиднейших форм — существа грозных демонов! — нашли себе тело; в железе и стали. В моем мирном селе есть сапожная лавочка; добродушнейший итальянец колупал в ней подметки весь день; и — пропал итальянец; вероятно, воюет он; напротив — пекарня; в ней сидел тихий немец, продававший бессменно: печенья и булки; разразилась война; но, разумеется, пекарь все с той же охотою мне завязывал булочки; повздыхали мы о войне; и — продолжаю по-старому: я — у него покупать (здесь так мало пекарен!), а он — продавать.

Как-то раз захожу:

— До свидания, господин; и — всего вам хорошего.

— Что такое: куда вы?

— Никуда особенно: на войну.

— Забирают?

— Забрали...

И пекарь с доверчивой грустью вперился зрачками в меня, поморгал и вздохнул:

— Ах, скорей бы конец, господин: ну зачем «это» длить?

Пекарь знал, что — я русский...

Вот огородница, у нее прелестные дети; иногда кудрявая четырехгодовалая крошка постучится ко мне (она не «германка» — ребенок!) с салатом, с томатами, чтобы с медлительной важностью мне это все передать и получить свой подарок — огромную грушу; до войны еще здесь знавали отца ее, человека с задумчивым взглядом и очень кроткого нрава: он скончался от ран неподалеку от Базеля.

3

Барышня в трауре, студентка из-под Берлина, живет здесь; у нее задорное личико; я ее знавал до войны; идет, улыбается, приветливо посылает поклоны — теперь, как и прежде; ее брат, офицер, наповал убит на восточном фронте; другой

брат — сражается... Не могу ей не кланяться, как того хотели бы, может быть, от меня: у нее же и горе...

Если бы поступил я иначе, я нарушил бы стиль «тишины»: тишины сериозной, задумчивой; и швейцарский крестьянин окрестностей Базеля, у которого есть связи с немцами, который ко мне безупречен, — швейцарский крестьянин бы на меня посмотрел и медлительно покачал головою. Обыватели Базельланда без всякого боевого задора принимаются со мной говорить... о мужичке и о русском рабочем, что, мол, трудно ему, как и всем теперь трудно; что такое, мол, время, что так, мол, приходится.

С ужасом очень многие здесь ожидали войны; но без ужаса многие после на нее уходили, прощаясь друг с другом; итальянец шел в одну сторону, а немец — в другую; трудно, мол, а приходится, мол, знать, такое уж время.

Знаю я: новые полосы — за полосой полоса! — будут ввергнуты в машинами гремящую полосу; и мой пекарь в варварской каске, может быть, у орудия громыхнет на меня; знаешь: война — не окончится; через несколько месяцев, попрощавшись с садовницей, четырехгодовалою крошкой и барышней в черном, ты отправишься сам громыхать против пекаря. Это знают здесь все; само время грохочет.

Оттого-то вот и «гремящая тишина» не удивляет нисколько; слишком много здесь в «черных» платьях; и «всё» здесь всем ведомо; все вступили в гремящую полосу; с горизонтов сознания уж давно громыхало.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!..

Ал. Блок

Певец севера, Блок, здесь нашел бы поклонников среди огородников, пекарей и фабрично-заводских рабочих.

Певец севера, Блок — голос в хоре, а хор, то есть Ницше, Стриндберг, Толстой, Достоевский и прочие, прочие, прочие, — этот «хор» был когда-то осмеян; потом же был отдан он переплетчику; этот хор чудаков (первоначально «опасных», потом — «не опасных нисколько») стоит себе стопочкой томиков у европейца, у русского (Владимира Соловьева читают на западе: восхищаются «Духовными основами жизни», понимают «Три разговора»; я боюсь, что эти «Три разговора» теперь непонятны в России: они — позабыты... до времени...).

Несомненно же: Владимира Соловьева забыли мы; нет, он — не ко времени; и «Три разговора», конечно же, не ко времени тоже: Соловьев любил мистиков — Бёме, Экхарта, то есть предтеч философии: Канта и... «Круппа» (?): после одного московского реферата, которого заглавие видел я напечатанным крупным шрифтом, и «Крупп» стал философом, учеником великого Канта; Кант, философ — я знаю: а вот «Крупп», это — спорно; до сих пор полагал я, что Крупп — порождение милитаризма; и — только; меня убедили в обратном: сопоставлением «Круппа» и Канта; так как я Владимиру Соловьеву доверяю доселе, так как первый русский философ и очень считается с Кантом, мне приходится, закусивши язык, автору реферата поверить и утверждать: Крупп — философ...

Здесь читается Соловьев: и, конечно же, он — не сопоставляется с «Круппами»; учатся по Соловьеву провидеть: космическую сверхмерность войны и... кризис сознания, — «*непереплетаемый*» вовсе: переплетчику войны не отдашь; семью краска-

ми спектра ее не окрасишь, конечно: простолюдины Базельланда знают: — «внецветную» сверх-размерность войны; оттого-то здесь так умеют молчать, не читать рефератиков: о Владимире Соловьеве, об Экхарте, о «Круппо-Канте» и прочем. Здесь увидели явственно, как из бури свинцового грохота *не рука* человека грозится руке человека и поднимает тот грохот: человеки тут ни при чем; человеки — орудия.

И против орудийных грохотов здесь, в Швейцарии, подняли все — человеческий стяг, хорошо знакомый и нам, по собранию сочинений Федора Достоевского.

«Дорогая могила», весь Запад, — ныне чтит Достоевского и вопреки заявлению Достоевского, что этот Запад — могила, в час войны этот Запад мне дышит не тленом; он дышит бодрящею жизнью; и явственно: пресловутый кризис сознания, называвшийся некогда «апокалиптическим» громом, — был Западу ведом; но Запад молчал о нем.

4

Уже скоро два года, как я изучаю внимательно среднего обывателя в час войны: в тысячах мелочей, о которых писать неуместно, обыкновенный швейцарский крестьянин этого угла Базельланда всей манерой держаться (хотя бы со мною) подает мне урок; я его не забуду; обыкновенный швейцарец теперь всюду жертвует, не считаясь с симпатиями, — на армян, на поляков, на сербов, бельгийцев и... немцев. На детей павших в битвах; о «глаголах» молчит: но и на площадях есть «глаголы», подобные нашим религиозно-философским собраниям: — о кризисе жизни: «Армия спасения» распространена; и — действует в час войны; я часами простаивал, слушая проповедников «армии»; и был на собрании «армии»; выслушивал речи — о Боге, о чёрте; и — очень неглупые, способные удовлетворить ну хотя бы читателей Мережковского. Речи эти — открыты, доступны; и — раздаются под солнцем: прохожие остановятся, очень внимательно слушают, не смеются, молчат и... идут себе дальше — может быть, в «комитет»; жертвовать на армян, на поляков, на сербов...

Все — человеческий лик культуры в традициях высокого гуманизма из-под звериного рева машин напечатлелся отчетливо.

Европеец — не умер.

Кризис жизни

Базель

1

Нас обстал кризис жизни: на перевале сознания подстерегают нас кризисы жизни; приложения понятий к техническим производствам культуры уплотнили нашу мысль; наша мысль не живая; она превратилась в абстракцию; уплотненье абстракций — материализм нашей жизни; материальное тело абстракций — машина.

Машина восстала на нас: и конкретный мир стал — мир материально-машинный; и черствый, и чувственный; черствая чувственность — роковой наш удел.

Мир природных явлений перестал для нас быть; ненормальная «*вытяжка*» из природы его заменила; утерялась в нас «вещность», сменяясь экстрактом; и нет нам предметов, а есть предмет-«*ины*»; предмет-«ин» же есть «вытяжка» из предмета для... потребления чрева.

Чревоугодие материальной культуры — продукт очерствления жизни; абстракция — продукт истощения.

Слепота — тончит ухо, а глухота — тончит глаз: неужели же для утончения зрения мы должны протыкать барабанную перепонку? Это было б безумием. Но на безумии этом построен ненормальный рост специальных отраслей знания; и богатства машинного мира разрастаются в мире ценой оглушения, ценой ослепления; и глухие, слепые, немые правят бегом развития; оттого-то не расслышали мы нараставших громов сознания; мы, имея уши, не слышим; мы видим; и другие из нас только смотрят... в очки.

Оттого-то мы не видели отдаленных молний грозы; мы увидели зарева; мы расслышали пушки; легкий говор сознания и голоса сознающих не расшибли в нас глухоты; не расшибут они — в будущем; расшибут — грядущие громы.

Легкие ж голоса громыхающих событий культуры раздавались столетия... Если б нам уши!

Лучшие традиции Возрождения столетия мы низводим на нет: столетья убиваем конкретную значимость жизни и говор явлений; Возрождение призывало нас явление как таковое любить; и в Возрождении в отношении к явлению пересекаются: художник с ученым; опыты Леонардо — любовные опыты; но опыт Роджера Бэкона из глубин средних веков — уже не опыт, а... пытка явлений: убийство явлений; это-то убийство явлений перенесли мы в XVI век вопреки лучшим традициям гуманизма; часто опыт природы был пыткою; так, XVI век, зацветя инквизицией и закруглившись в развратном барокко (в пресловутом Style Jésuite), перенес инквизиционные приемы терзания, пытания на мир цветущей природы; в опытах разрушались предметы для добывания всевозможных гастрических лакомств; вещь, реальность как цельное нечто — распалась; на абстракцию ее в мысли (пресловутую «вещь в себе») и на труп от конкретной реальности, на феномен, на «вещь для нас»; а материальное тело культуры ее превратило в… часть брюха: в отложение жировых желез, в субъективистическую отрыжку действительности; развитие философии сосредоточилось на методологической разработке всевозможных отрыжек; и пошли расти «научные» феноменализмы и скептицизмы.

Style jésuite, развитие материальной культуры, номинализм новейшей формации критической философии коренятся в едином источнике: в разложении конкретного мира на абстракцию и на... вытяжку для гастрических потреблений; но в гастрическом потреблении — еще полной реальности нет, и вкусовая отрыжка комфорта — не действительность вовсе; точно так же: в теоретических выводах специальных отраслей знания перед нами не мир, а разве что… проекционный пунктирик: да, понятия именно в наших точнейших науках сведены часто к графике; и объяснить, понять — это значит: изобразить сеть кривых и условно исчислить их; дифференцировать — еще не значит учить пониманию; и чертить графы — не значит осмысливать.

2

Так первичная конкретность идеи о конкретном предмете подменяется в нас эмблемой о съеденном, о потребленном корыстно; раз идея в явлении пропадает, явление — *предмет потребления*; и оно круглит нам желудок; оттого-то конкретности жизни превращены нами в *жир*; идеалы наши — пунктир на бумаге, а истина есть «не сущее». Вместо слияния с миром — господствует: пожирание мира и раздробление мира; то есть: введение мира в желудок для накопления… жировых отложений. Человек XX века часто есть безмясый скелет, опухающий мертвенно: жиром и салом; вместо сердечного *знания*, вместо *сердечного* отношения к жизни у него господствуют два усвоения жизни: усвоение при помощи мозга и при помощи функций желудка; первое усвоение есть «*крап на ничто*» (т. е. крап электронов над бездною); усвоение же второе — чревоугодие просто.

Должное, реальное знание — в усвоении предмета узнания; а современное знание, сосредоточившись на *методе*, предмет устраняет; и предметом узнаний становится *метод*; вне метода — просто хаос: вращение газов.

Самые органы чувств расшатаны современною культурою; и пропитаны: и алкоголем, и никотином; восприятия наших органов чувств — *никотинные*; в них луг пахнет дымом; в восприятиях наших природа убита; и рев паровоза для нас — естественная черта пейзажа, а фабричная гарь — принадлежность зари; естественных восприятий в нас нет и оттого-то нам нужны — абстракции доказательств и самая материя потребления; осязание, самое грубое чувство, оно только живо в нас.

Так предметы узнания уничтожаются нами в процессе узнания: распыляются в голове электронным пунктиром и раздробляются на зубах при введении в «чрево». Вместо конкретного мира вырастает поэтому в нас мир танцующих математических знаков (дифференциалов и функций), роящихся над трупом явления.

Вот подлинный, неприкрашенный образ материальной культуры: и мира в нем нет; мы из мира повыпали и летим над бездной в… действительность, несоизмеримую с некогда данной нам: действительность, нам грозящая, перед нами прорезалась явственно, она показалась пред нами, видная пока в аппаратах, приборах и лупах, как мир инфузорий, но аппараты, приборы и лупы суть воистину новые наши органы чувств, вместо испорченных нами, аппараты эти уже срастаются с нами, скоро они прирастут, прилипнут к глазам и ушам, это — первая прорезь в грозящие наши судьбы, через трубу микроскопа свалиться в миры микроскопа и зажить инфузорией. Воистину, на земле мы — «как будто», где ее былой лик? где ее конкретная правда? Материальная культура — не земная культура: земля — идеальна, конкретна, природна, естественна, а наш мир — мир искусственных аппаратов, понятий, стремлений, потреблений и похотей, этот мир — не земля, а пожалуй — какая-то «*X*» планета, может быть, из созвездия *Пса*, не из созвездия *Солнца*… Не дети мы Солнца.

Солнце прежнего мира (откуда мы выпали) разве что бьется в нас; мир идеально-конкретный, т. е. небесно-земной, — разве что в нашей совести, в беспредметно поющей, аполлоновой музыке наших душ; может быть, в поэтической сказке; подлинная земля — только он; в нем — остаток конкретности.

Но мы его гнали.

Мы подзывали иную действительность; мы столетие сотворяли ее, мы плели себе горькую участь; заплетали нити судьбы; мы расплавили землю в «*не сущие*» электроны и атомы; диссоциация мира в картине научных понятий имеет условный, технический, вспомогательный смысл; мы осмыслили этот смысл: возвели его в перл идейного творчества; перед нами восстала картина — разрыва действительности; распадается, разрывается человек — под говором пушек.

Гуманизм убит механизмом; земная конкретность — машиной. Восстание на человека машины — пока что эмблема; но в эмблемах, в предчувствиях, в прообразующих жестах встает лик Грядущего.

Человеку пора призадуматься над судьбой человека; и — европеец задумался; человеку пора апеллировать к смыслу жизни, который в нас вписан. Как бы в труп убитого, конкретного мира не вошел дух иного, *недолжного* мира, противного нашей совести?

3

Нужно твердо нащупать в нас *человечество*, например: не ангельство, не машинность; в настоящее время испуг пред машиною вызывает в иных обращение к религиозным истокам; но возвращение к Богу у многих носит машинный характер: многие защищаются Богом, противополагая его звериному лику природы, противополагая божественность самому человечеству. И обращение к Богу носит характер возвращения вспять.

Мы должны вернуться к истокам великого гуманизма: Возрождение, традиции Возрождения, его широкий, вполне гуманный размах, — вот что нужно усвоить нам. Схоластическим прением с бездушной машиною и преданием всей культуры костру инквизиции мы ускорим лишь наш печальный конец; отдавая свободное, автономное лицо машине в исканиях нового «ангельства», мы разве что приблизим машину к себе. Возвращение средневековых суеверий обернет машины в бесовскую рать; возврат суеверий вернет наваждения; и аппарат — будет нам: Господин Аппарат; Господин Аппарат будет новым Hircus Nocturnus'ом на шабашах человечества. В образах и подобиях механической жизни напечатлелися мраки средних веков; механическая культура тесно связана с темными сторонами схоластики; схоластика возродилась в *методике*, в *методологии логики*; но она пустила более глубокие корни; и к схоластике проведения понятия по рядам присоединилась схоластика проведения нашей жизни по машинному ряду.

Средневековые вкусы новейшего модерниста — естественный дополнительный цвет к… механическому мировоззрению современности.

Да, Игнатий Лойола, он слит с нами кровно: его исповедальня — машина.

Кризисы материальной жизни — колебание ее идейно-конкретной подпочвы; идеология — результат конкретного творчества; идеология материальной культуры, разлитая в мире, — подлинная причина войны; а война — выражение внутренно скрытой болезни, глодавшей вселенную: нечто вроде лихорадочной сыпи, проступившей из крови — на коже; тут втиранием мази ничем не поможешь; изменение крови — вот корень лечения; он — в перемене ритма пульсаций; наше сердце пуль-

сирует метрами многогромных колес и метрами дребезжащих трамваев. Пусть же оно запульсирует метром песен; пусть оно осаждается бытом: ожиревшее брюхо жизни и анемия мозга перестанут изламывать жизнь; механика пресуществится в органику жизни. Противление человеческой совести против механики жизни — трагедии сознания нашего; и в ней — кризис сознания; в нем — кризис жизни; внешние выражения кризиса — междуусобия, войны, болезни, убийства, наконец, коллективное помешательство.

Так: пока сознание наше не вернется к своим человечным истокам от машинных разливов, механическое прекращение нас обставшего кризиса будет бесплодным втиранием мазей, т. е. лечением прокажённой кожи культуры вместо лечения заболевшего сердца. Грохоты горизонтов сознания не прекратятся дотоле: горизонты сознания — это мы; мировая война — Alter Ego.

Природа

Базель

1

Отъезжаете от немецкой границы, — напряжение разрывается в говоры. Бегают говоры, а говор пушек смолкает.

Появляются индивидуальные искры — в словах, в жестах, в мимике; всё кругом интересней, всё кругом легкомысленней, веселей и напевней; но правды молчания нет; глухой говор орудий с эльзасской границы тушит личные говоры; слушаешь глухой говор орудий; и — не прикрашена правда.

Размышления князя Андрея Болконского о войне в знаменитом романе Толстого для салонного ли разговора? И настроение этого угла Базельланда заострилось в тугую, в тяжелую немоту: около тяжко больного говорят люди шепотом — о пустяках, может быть.

Отъезжаете от немецкой границы; и — видите: быт изменяется; все реже черные платья; их — нет; но, отступая на юг, вы встречаете вновь их: черные платья француженок и бельгиек, не немок.

В середине Швейцарии, приблизительно у Люцерна, нет черных платьев.

Черные платья на севере и беднее, и проще; неказист порою их вид; бледны лица из платьев; говорят лишь глаза. И бурно колеблются черные платья на юге; зажигаются быстрые речи о близких, о братьях, о родственниках; этого — не узнать: отпустил себе бороду; от того — нет вестей, а тот — в госпитале, и — веером распускается разговор.

Но, отступив в глубь страны из-под говора пушек, убегаешь невольно от речи о... говоре пушек; с неудержимою силою ты притянут к так внятно гласящей природе, к темно-зеленому озеру.

Был конец сентября: год сидения в Базельланде довел меня до отчаяния: я убежал, и — забегал: по дорогам, по озеру; вдоль Герзау, Флюэлена, Бруннена и до самого Сен-Готарда. Каменистые пики грозились, вставали под небо, перекликались друг с другом, образовали огромную полифонию: творимого космоса; и тяжковесно, отвесно — громоздились громадины; в оскалы провалов вставали туманы;

мертвенно реяли облака; и — проливались дожди; бегали издали быстрые линии пиков, пальцы пиков протягивались, «штейны» и «горны» грозились, лазурные многозубия истекали бледными ледниками, и нервные, бледные линии гребнились повсюду; жестикулировал и расставлялся рельеф; пенились, проливались потоки с огромных престолов; и говор громового голоса сопровождал меня всюду: по часам плясали в глазах на бегу: стены, сосны, потоки и пропасти, камни, кладбища, деревеньки, мосты; пурпур трепаных мхов под зубчатыми замками, нерукотворно воздвигнутыми из чистейшего, яснейшего льда, — пурпур трепаных мхов кровянил все ландшафты; крутни мокрого пара стремительно выбегали в расколах громадин; и — стремительно падали белыми лавинами сырости между водою и солнцем; вот бывало — обдавал танцующий пар; начинал хлестать мне в лицо, подвывая, подсвистывая и мрача на мгновение; облако падало под ноги — в космы потока; пряталась бурно бившая пена под спокойнейшим молоком; но под ним все — дрожало, рыдало, гремело, стонало и пробивалось в редеющем молоке теми же водными космами с на краю их обсевшими старыми, деревяннорезными домами подножной деревни и с церковною колоколенкой; «клянчили» звонкие колокольца коров неугомонно и весело — в серо-черном, в обсвистанном, ветром облизанном мире, где бросаются сосны приступом на чистейшие ледники, чтоб... разбиться о стену; вот подбросилась последняя сосенка; и — повисла; вон бегущие ветры в ветвях разрешаются в свисты под черным ревом утесов; вон — гортанный фагот... меж утесами... углубляет ущелье под четкими, чистыми гранями серогранных громад; вдруг почудятся звуки оттуда: серебристых арфистов, цитристов; там — алмазится снег; там, оттуда — посмотрит *тот самый (а кто — ты не знаешь); и — тем самым взглядом* (каким — ты не знаешь) посмотрит, прорезав покровы природы; и — отдаваясь в душе: исконно-знакомым, заветнейшим, незабываемым никогда; но — забываемым часто в «трамвайной», «кофейной» культуре городских, громких центров.

2

Вспоминаю скитанья в горах; мыслишь там — *ни о чем*; *ни о чем* — свисты ветра.

Но *никчемные* мысли летают огромными ритмами; мыслью рушатся горы — в душе водить думы; идешь себе; уж не смотришь; в полузакрытых глазах метаморфозы обставшего пейзажа — сотворяются заново — полуобразом, полумыслью; там линия пиков змеится орнаментом мысли, овеянной ветром; ты — ветряный; в голове твоей ветер; останови его; и — фиксируй: он тотчас же уплотняется силлогизмами; сознанием проницаешь ты ритм вне-сознательной мысли.

Где-нибудь перекусишь; и — далее.

Сознание наблюдает, описывает прорастание мыслей из красочных пятен фантазии; и — прорастание в эти пятна тебя обставших громад; громады поят тебя мыслью; они — чистая, кристальная мысль, там осевшая горной породой; и здесь вставшая — философемою, как вот эта долина; ты прошел шесть долин; шестерично переменились рельефы; шесть систем философии пробежало вершинами; Гёте, Гердер, Новалис, Шлегель, Шеллинг и Гегель — прошли пред тобою.

Ты видел воочию их. Твоя мысль ни о чем, пробужденная в душу павшими пиками, осозналась; и — вот она: *мысль и природа — одно*.

Человечна и мягко гуманна природа; в ней нет извращений; но человеческий взор озирает ее плотоядно; человек современности на нее воззрился, как кошка на птичку; птичье пение — есть; но в зажаренном птичьем мясе нет пения, в «потребленной» природе идея убита; и — мертвой материей противостоит она нам; «материализм» — внеприроден.

Основа природы — природа идеи; и «*философия тождества*» Шеллинга проверяема горным ландшафтом; слушай пенье потока и записывай точно, что встанет из пенья потока в душе твоей; правда Гётевой мысли откроется явственно: «*манифестация тайных знаков*» (Гёте) природы в понимании жизни сознания; метаморфоза идей уподобляема метаморфозе растительных организмов; она — конкретна, точна, наблюдаема, описуема; и описание *точной фантазии* мысли и есть философия.

Вот гуманнейший лейтмотив в мировоззрениях Гёте, Гегеля, Шеллинга и — других; и — вещая фантазия мысли (*сознание и природа — единство в природе идеи*) — вненациональна, всеобща, вечна и гуманна она; корни русского самосознания — здесь; в мягкой проповеди старца Зосимы о единенье с природою; продолжение Баадера, Гамана, Шеллинга в философеме Вл. Соловьева; и в проповеди Мережковского; и великий русский философ-лингвист, наш Потебня — продолжение Вильгельма фон Гумбольдта.

Так далее, далее...

Бросать камнями в эти мысли не значит ли — откровенно идти на разрыв с нас зовущей природою, с природой сознания, чтобы сковать себя рамками вне-природной «трамвайной», «материальной» культуры; это было бы варварством, воскрешением каннибализма в XX столетии; это было бы насаждением очагов дикарства в самых центрах культуры.

Между тем это варварство (разрушение собора из мысли) передо мной на столе: 234 страницы объемистой книги; в ней осмеяны, оплеваны и затоптаны в грязь дорогие нам имена: Бёме, Гамана, Гердера, Шеллинга, Гегеля, Баадера, Гёльдерлина, Новалиса, Шлегеля, Гёте, Александра и Вильгельма фон Гумбольдтов — «пангерманистов» и «патологических мистиков», заключивших комплот против французского духа.

Пангерманизм их? Они учили о том, что Христос — внутри нас. Поздравляю нас с вами, читатель: Достоевский, Толстой, Гоголь, Федоров, Соловьев, Мережковский и прочие — «патологические националисты».

Спасибо, спасибо!

Но далее: ощущение Бога в себе — самонадеянный мессианизм, ведущий к милитаризму; торжество природы и духа — распространение эгоизма вовне, ведущее к... «Круппу». Автор объемистой книги видит в Новалисе, в Гамане предтеч политики... Бисмарка — только!

3

Вот глава «L'experience moderne et l'Allemagne mystique». Привожу ходы мысли случайно открытых страниц. Изучение Востока обозвано «фееризмом»: восточная

феерия-де разыгралась в Германии (52). Гердер первый ценитель литературы Востока (53); это — «варварство»; родом галлюцинации-де страдал бедный Гаман, ибо он ощущал: Христос в нас (54); «Философия и религия» Шеллинга — «варварство» (55); дух «претящего» мистицизма заложен в германской культуре: «душа мира» близка германизму; и это — лишь варварство (56). Световая теория Гёте — «мистическая химера» (61); и немецкая выдумка — реставрировать идею о триединстве (61); самые «теза, антитеза, синтез» — отрыжка каббалистических бредней (61). Выражение Гегеля (мировой дух) заимствовано из трактата о философском камне (72). Да и сам Кант — по существу только мистик (74). С ганнибальской развязностью автор объемистой книги расширяет тезис г. Эрна «От Канта к Круппу». Опасные тезисы! Если «от Канта», то... почему не от — «Гёте, Гердера, Шеллинга, Баадера, Гегеля и других»: Достоевского, Вл. Соловьева, Потебни; ведь для автора упомянутой книги Соловьев, Достоевский, Потебня — милитаристы и «германисты». Автор — docteur des lettres, René Lote; заглавие книги: «Les origines mystiques de la science ”Allemande”».

Футуризм самого дешевого сорта прокрался в науку; и машинная выделка мысли (для «потребленья», к «моменту») прикрепляет кафедру к... фабрике; нет, воистину подл, внеприроден, антигуманен, жесток — материализм наших дней.

И — нет: камни гуманнее...

Помню день. Все червонилось, багрянело; все — рдело; птичий свист — уносил; говоры оголтелых утесов гремели, дрожали; рыдали потоки; землевороты бежали под небо и ясногранною вереницею оплотневали, зарея, тенями; гребни резали небо; серебрились осколки их; прорезались покровы природы, прорезалась навстречу природе — природа сознания; прежде я бы сказал: «Это Бог говорит в человеке — обставшей природою». Но... сказать не могу так теперь; так сказали бы — «варвар» Гаман и «варвар» Новалис; так сказали бы сподручники «варваров»: Соловьев, Мережковский и... старец Зосима: «милитаризм» налицо тут.

Docteur des lettres, René Lote, осторожности меня — научил; и в союзе с ним я замечу:

«Переживание горных ландшафтов и действие природы на нас расширяет наш эгоизм, угрожая спокойствию и благоденствию наций...»

У немецкой границы
(От нашего корреспондента)

Базель

1

В Базеле созревала мысль Ницше. Его любил Бёклин. Здесь профессорствовал много лет достойнейший Яков Буркхардт; и жил некогда математик Бернулли; действовали и Эразм, и Гольбейн; дом Эразма сереет доселе средь безлюднейшей улицы; временами живали поблизости: Грюневальд и Неттесгеймский Агриппа.

Таково созвездие ярких, славных имен, восходивших над Базелем; оно связано с Возрождением и эпохою великого Гуманизма; в это славное прошлое подымается тихий Базель розоватыми и серошершавыми башнями; и серые замки торчат здесь осколками; они сидят на Юре, на лесистых отрогах Шварцвальда, на гребнях Эльзаса.

Многие битвы шумели над Базелем; первое поражение рыцарей швейцарскими мужиками произошло здесь поблизости; ныне над грудою черепов подымает крест свой часовня.

Сходятся здесь и Шварцвальд, и Юра, и Эльзас; сам же Базель в долине; холмики избороздили ее; с холмиков поднимается он; грудами черепитчатых домиков; серо-розовым Мюнстером и ярко-красною Ратушей привстает он над Рейном; веснами лиловеют в гирлянде гладиний его серобокие домики; магнолия зацветает в садах; осенями и зимами он дымится туманом; по нем бегают глянцы неизливных дождей; всюду обилие очень старых, каменных, крашеных, полноводных бассейнов, поднимают статуи столбики золотого рыцаря, гражданина в заломленной шляпе, прелатика, или просто дракончика, изрыгающего струйку чистой воды; улички здесь горбаты и кривы; тусклые фонари на стенах; и малоглазые домики нависают полосатопестрыми выступами; бедно одетые кучечки соберутся под выступом; неподвижно медлительны люди; они сосут трубки; и — провожают вас взглядами; из окошка порой вы увидите колпак старика; и он жует трубку; выпирает из шеи его (очень часто зобатой) густой белый войлок; непременно покажется вам, что оконная рама есть рама портретов Гольбейна, которых вы видели в великолепной ли базельской галерее, в книгохранилище ли, где работать отрадно; на старике был берет; и рисовался на фоне он из голубоватых и бледно-зеленых материй.

Этого старика вы увидите: в котелке, в косо скроенном пиджаке, с дымнокудрой сигарой в руке в более молодых частях Базеля; он покажется жалок там.

Неприязненно отбегает новый Базель от Рейна грудами невысоких торговых домов и кубами возводимых построек; хорохорятся суетливой гримасой немецкой провинции его банки, таверны и лавки с характерными надписями вроде «Тысяча брюк»; раздувается в огромный вокзал; и желтеет от скуки. Этот Базель напоминает мне толстого буржуа, буржуа собираются в «Казино»; поднимают там горластые дымогары; и тупо тычут в шары биллиардными киями; а улицы — суетятся; людоход непрерывен; в говоре голосов временами прорежется — глухой говор орудий с эльзасской границы.

Если бы вдруг в толпе перепутать носы, глаза, спины, руки и далее самые цвета тканей в безотрадно нелепые сочетания, то получилась бы точная копия базельской уличной жизни, где все платья повисли, подбородки враждуют с усами, а ритмы рук с ритмом ног.

Точно сотрясся телесный состав человека; и оставшийся кавардак — базельский буржуа. В нем типичное стерто; оно не стало немецким; базелец стоит одиноко; он — мозаика, выцветающая от времени и потому однотонная.

Однотонность бесстроицы — канва впечатлений; вненациональное не достигло размаха городских больших центров, местное стерто, острокрылатого слова нет; и скрипучая пересыпь слов, очень громких, гортанных, будто тренье кремней друг о

друга, перетирает в кафе все газетные сведения; базелец не доверяет газетам и ходит в концерты на громозвучных певцов, басов, теноров, баритонов и «*деритонов*»; любит он оркестр барабанщиков.

Оркестр барабанщиков — украшение Базеля.

Слово базельца напоминает скрипенье кремня, а не порхание бабочек: бабочка отрясает пыльцу; из кремня летят искры: искрами горячего гуманизма и огромной волей к добру загорелся он в дни войны; странное сочетание он из примитивнейших предрассудков и очень тонкого такта; в базельце подчеркнулась не простая обязанность быть корректным со всеми, а активная воля быть воистину человеком; развитие социального такта сказалось в проявленной мягкости — ну хотя бы ко мне. Я тем более ценю этот такт, что население по интересам и связям естественно тяготеет к Германии. Базельский обыватель — наполовину в Германии; в нескольких километрах лишь Баден; и на несколько километров подальше — Эльзас; население у границы смешалось, и близость к Германии напечаталась на мелочах здешней жизни: вы здесь встретите и пивную из Мюнхена, и германскую лавочку, и чиновника в характерной прусской фуражке: в Базеле — немецкая таможня.

2

Я на днях постоял в десяти шагах от Германии. Я смотрел на открытую жизнь по ту сторону немецкой границы; крутобокие горы пушились набухшими почками; одуванчики зацветали; и оснежались долины цветущими вишнями; переговаривались желто-серые ландштурмисты; и поглядывали на нас, держа ружья под мышками; по Германии бежал поездок; и тихая вилла глядела с холма… С нетерпением подъезжал я к границе; из-за цветов и кустов побежали на «трам» миловидные весенние виллочки; и уже вот он, вот набегающий Базель с кубами серо-желтых торговых домов и с гортанно-вещающим *людоходом;* Рейн и серые башенки показались и скрылись; вот прополз зарейнский рабочий квартал; показались немецкие лица; показалось обилие неизбежных пивных: зарейнская часть стремительно переходит в границу; вот построенный на швейцарской земле баденский немецкий вокзал: широчайшее помещение в тяжеловесных колоннах, и глотавшее поезда, и плевавшее поездами; оборвался ток товаров; с войною артерия эта перерезана здесь; запертый вокзал пуст; на огромном перроне — никчемная кучка: характерные прусские картузы с высоко поднятым краем.

Кончился Базель: поле… Прожелтилось, проголубело цветами оно; солнцем и травами засмеялась долина и уткнулася прямо в горы; это горы — Шварцвальда; вот белая деревушка, вот церковь: отчетливы; перебежать бы луг да на холмик! Нельзя это — Баден; перебежишь — и не вернешься обратно.

Остановился «трам»: мы — выходим.

В этой окраине уже все швейцарское смыто; домики, воздух, парки, улыбки — иное все: мелькают эльзаски с огромными черными бантами; те зарейнские горы — Эльзаса; эти — горы Шварцвальда; Юра отступает; небольшая долина отделяет границу от пригорода; между тем серо-лиловые стильные здания старых эльзасских домов кричат иным бытом, иною, более широкою культурою — несом-

ненным вкусом; вот — уличка перерезалась надвое: точно там на мгновение опустился шлагбаум — на мгновение перервать людоход, и потом — приподняться; но деревянная загородка строга: то — граница; здесь швейцарский поселочек, Риэн; там — баденский Лоррах, где производят осмотр притекающим из Швейцарии ландштурмистам; два швейцарских солдата строжайше блистают штыками; они — из романской Швейцарии (здесь войска из Женевы); на итальянской границе, вероятно, дежурят солдаты немецкой Швейцарии: гарантирована строгость осмотра.

Вот какая-то кучка, покинувши деревянный немецкий барак (где производят осмотр), хлопотливо бежит через уличку; и военный, выйдя из будки, которая рядом с нами, уже проверяет бумаги, другой смотрит на нас; спутник мой к нему обращается:

— Странно ведь: перейти вот ведь уличку; и — попались…

— ?

— Мы — русские.

Улыбается черноусый солдат; и — говорит по-французски, кивая на ландштурмистов:

— Им до Москвы не дойти...

— Ну, куда там!..

— Они голодают.

Мы поглядываем на кучечку немецких солдат; те — на нас; это — преклонного возраста люди в серо-желтых мундирах; у одного — серебряная голова; он согбенный и рослый; и отчего-то неловко: отходим мы.

3

День лазурен, прохладен: на веранде тихого пансиона сидим и пьем кофе; спутник мой, доктор гейдельбергского университета (он — русский), вспоминает годы студенчества:

— умер вот Виндельбанд; Риккерт профессорствует теперь в Гейдельберге; убит Ласк; у Гуссерля убит сын… Коген же приезжал из Германии в Базель: виделся с учеником своим, русским... Под ногами, внизу, за холмом, саженях в тридцати от нас, на лужайке треплется маленький, почти игрушечный флаг; то — граница; вечером замечтаешься, голову кверху поднимешь (неосыпное небо дрожит: переливается звездами!) — и, мечтатель, в Германии ты: может быть, тебя подстрелят, засадят… Сторожевые немецкие будки явственны там на склоне горы. Тихо реет военный баллон в нежном воздухе над Эльзасом; и какая-то дама на него поднимает лорнетик.

В память врезалась мне эта тихая, мирная местность: крутобокие горы пушились набухшими почками; и оснежались долины шапками зацветающих вишен; по Германии бежал поездок; ландштурмисты миролюбиво поглядывали, и высилась тихая вилла с пологого холмика Бадена.

Через несколько дней я узнал: кровавое происшествие было здесь; не говорили о нем; прошло оно неизвестно: русские пленные переходили границу; трое были убиты; четвертый — попался. Говорят, эта тихая местность кишит шпионажем; и, попадая в глухую деревню, вы видите: подозрительный взгляд у окна, провожаю-

щий вас; уже значительно далее, отступая от границы, остановили однажды меня; и потребовали бумаги: разумеется, отпустили: претендовать не могу я: грозовая туча войны незаметно въедается в воздух.

И порою мне кажется — запахнувшись в свой плащ, на глаза придвинувши шляпу, кто-то сядет на «трам» у немецкой границы; прикрывая впадины черепа, будет бегать по Базелю; и затреплет детей костяною рукою своею; или — сядет в таверне — «инкогнито»: над газетным листом хохотать оскаленным ртом.

Есть в базельской галерее гравюры Гольбейна; серия их называется: «Danse macabre»; жизнь королей, поселян, духовенства проходит в ней; но скелет сопутствует этой жизни; он так лукаво вплетается, и плутовато подмигивает…

Я гуляю по кривеньким улицам; и безотчетно мне кажется: там, у серого бока домишки, из-за лиловых глициний — просунется череп; и плутовато оскалится на усталую кучку людей, собирающихся у бассейна, где свои богомольные руки слагает прелатик… на каменном столбике.

По горбатеньким уличкам бегают осенями туманы; и мокрые глянцы; и рыжими пятнами тускловатые фонари освещают дома: под фонарем запахнувшись в свой плащ, плутоватое инкогнито, смерть, приподымает там шляпу...

Современные немцы

1

В пребываньи в Швейцарии есть одно преимущество: непрерывный ток через границу летящих известий из четырех углов враждующих стран; и непрерывная сшибка мнений горячих, пристрастных; противоречия фактов пересекают друг друга; и — расцветают в махровые спектры «достовернейших сведений»; ежедневные мыльные пузыри раздуваются утром, чтобы лопнуть... под вечер; перелетают границы Италии, Франции, Австрии и Германии; и одновременно сшибаются шквалом; и — тают.

Тон швейцарской печати — подчеркнуто сдержанный.

Все последние сведения предстают перед вами впервые в каком-то разодранном виде; и значительно позже уже — осаждаются факты; и привыкаете вы: к медленной кристаллизации фактов из пены сведений; привыкаете к ретроспективному взгляду на вещи; предыдущие опыты приучили к терпению; сдержанность вырастает в вас; сопровождает вас, крепнет в вас; и отстраняет все мнения о фактах: глядишь прямо в факты; научаешься мимике фактов и чтению сквозь строки; многие публицисты теперь известны тем, что в слове обходят молчанием.

Ныне многие выпады слов производят здесь впечатление показной кавалерийской атаки; противоречия сведений, как враги, обнажившие шпаги, летят друг на друга, кричат друг на друга и угрожают друг другу; но в блистании сабель и ментиков, знаем мы, силы нет; сила, знаем мы, в вырываньи траншей; сила, знаем мы, в сознаньи, в организации тыла; устремленные взоры бегут туда; устремленные взоры противников через голову сведений «изучают друг друга».

Интересна работа сознания над материалами фактов и фронта и тыла; таким тылом является самая психика и моральный быт враждующих стран; изучение культу-

ры противника до последнего времени еще было абстрактно; представление наше о различиях национальных сознаний войной перевернуто; и граница исчезла отныне между востоком и западом; запад вдвинулся ныне в восток, восток — в запад. Приходится перестраивать ходячие представления о культурах народов; приходится заново, наскоро пополнять ряд пробелов, и отдаться спокойному изучению тыла не в условиях кабинетной работы, а в громе пушек и в треске шрапнелей.

Немцы поняли это.

С деловитостью практичных людей изучают они нашу жизнь, быт, особенности сознания, литературу, моральные задания наши; интерес обусловлен, конечно, моментом и, конечно, — сознанием неверного понимания нас до войны, сознанием совершённой ошибки: пренебрежением к нашей жизни; изучение переходит в спорт, а спорт, как ни странно сказать, в... увлечение.

Настоящее военное время рождает курьез за курьезом, иные из них характерны до крайности.

Возрастает стремление к изучению русской литературы: о Достоевском, Толстом я не стану говорить; тот считает себя поклонником Гончарова, тот цитирует Мережковского; по статьям последнего говорят о явлениях русской жизни; и книга Волынского — «Книга великого гнева» — находит читателя. Появилось сознание малого знакомства с Россией, появилось сознание примитивности прежде принятых мнений о русских; удивляют русские пленные, удивляет их способность на все, удивляют их разные изделия, представление о «варваре» навсегда поколеблено.

Литературу русскую переводят — теперь, в дни войны, собираются переводить еще более; отмечают юмор Гоголевской «Женитьбы»; и эта пьеса с успехом проходит в Берлине; вторым томом выпущен Соловьев; и «Три разговора» находят поклонников. Переводится Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»; переведен «Грядущий хам» Мережковского; собираются переводить и Сологуба и Ремизова. Представитель книжной фирмы в Голландии, опираясь на повышенный интерес немцев к русским, говорил со мною о русской литературе, как будущей моде в Германии и Голландии; и в журнальных статьях учащаются русские имена представителей литературы, науки, политики; появилась сочувственная статья о покойном М.М. Ковалевском; появилась выдержка в «Zukunft» из статьи-предисловия Максимилиана Гардена к одной книге; она озаглавлена: «Чем мы обязаны русской литературе»; в «Literarische Echo» трактуют о русском народе и печатают разбор истекшего литературного года в России; разбирается расхождение прежних взглядов В. Брюсова с одушевляющими его ныне; разбираются чрезвычайно осведомленно представители многообразных течений русской поэзии; поминаются: Городецкий, Блок, Гумилев, Кузмин, Северянин, даже крайние футуристы; отмечается реферат г. Вл. Эрна «От Канта к Круппу»; и сочувственно приводятся возражения русской прессы.

Этот тон отсутствовал до войны: это все — показательно.

2

В мнениях немцев — досадные аберрации: война-де вызвана тем огромным (?) течением, представители которого — Данилевский, Аксаков, Хомяков, Страхов и проч.

... — славянофилы повинны-де в решении общества продолжать войну до конца; в одной интересной статье Хомяков назван тонкой и нежной душой с превратной идеей, а статье Мережковского «Святая София» придают иные чисто завоевательный смысл; идея освобождения славян-де — откровенная спекуляция на идеальном порыве народа.

Слова Тютчева о России:

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной —

эти слова по-своему ныне осознаны немцами; перед ними — шарада, и культуртрегеры разрешают ее; разрешению этой шарады придают они большой смысл; это — шаг к изучению тыла; русский тыл — малопонятен для них.

А их тыл нам понятен ли? До конца ли изучен он нами?

Помню первое время войны: падали, разрушались соборы; и полчища немцев валились на Бельгию; мне в Швейцарии встречаемый немец казался пародией на немца в «каске»; тот — исчадие ада, а этот, в Швейцарии встречаемый немец, с добродушием продолжал предаваться мирнейшим занятиям, и знакомая фигура его передо мной вырастала повсюду. Думал я: «Эти лица — в котелках, в панамах, в зеленоватых плащах с комичной кисточкой сзади, с неприметными или очень приметными, с злыми, с добрыми, с благодушными, с неблагодушными, то с культурными, то с грубоватыми черточками, — думал я, — эти все коммерсанты, студенты, рантье, комми, лавочники здесь торгуют, штудируют, приподымают шляпы и говорят: «Danke schön», а там, у себя, за границей, — там сроившись в отряд, все они побросаются на соборы, на галереи, музеи, на женщин...

И не верилось: подлинно «немец» ли в Швейцарии встречаемый немец?

И вступая подчас в разговор с обыденной привычной фигурой, я старался всегда дать понять, что вот как же, мол: соборы, подводные лодки, насилия...

Я наталкивался на курьез: на иное сознание; в первые же дни войны оно стремительно выросло; и — созрело; о него разбивается все; оно — тверже камня.

Их-де вызвали воевать: не хотели войны они; организованный заговор тут сказался во всем; их жестокости — измышления прессы; в обсервационные пункты превращались соборы — а грузовые суда превращались в военные корабли; ныне же де самое бытие их в опасности: они защищают свободу мирного своего бытия и традиции великого культурного прошлого: философию, искусство, науку; их военный марш — речи Фихте о немецком народе; а солдаты их, отправляясь воевать, забирают с собой три свои излюбленных книги: Заратустру, Евангелье, Фауста; непоколебимое убеждение, что все сказанное здесь — действительность, проницает их душевное существо; а поминание о фактах насилия немцев у немецкой женщины вызывает даже не гнев, а... ледяное презрение: Ганс и Фриц на войне же ведь; а Ганс и Фриц (сын и муж) — образцы благородства, доброты и гуманности; и сообщения о фактах насилия немцев она принимает как личное оскорбление ее Фрица: «Ну да, — там “Портюгаль”»; «Портюгаль» же — оплошность.

Так ответит она; обыкновенный ответ ее на все факты печати: «И как этому верят?» И слова русских женщин, обращенные к ней, я с улыбкой читал: слова — благородные; негодованье — законное; но немецкая женщина этих слов не услышит. На войне — Ганс и Фриц, вся немецкая армия — это Гансы и Фрицы.

3

В Германии, разумеется, факты насилия немцев умолчаны прессой, этих фактов не знает их тыл, потому что цензура господствует, и на этой вот почве иное сознание, укореняясь, сливает и спаивает Вильгельма с рабочим и Геккеля с лавочником, коллективное переживание гремящих моментов глотает все личное. Вырастает единое, стадное сознание немца, и с сознанием нашим несоизмеримо оно, и с невинною улыбкою, сожалея жертвы войны, вам способен высказать немец: «Оттого-то мы и навалились на Бельгию, что войну мы хотели в три-два месяца прекратить». Эта психика есть предмет всестороннего описания, и она не описана, современный немец конкретно все еще не стоит перед нами, самосознание современного немца заслоняет нам наша квалификация немца, она — абстрактна до крайности, в нашем знании немца поотстали изрядно мы, мы и хвалим его, и срамим за полуреальные его свойства, схема немца стоит перед нами — не немец, схема эта нам немца колет, на сантиментального романтика прошлого и на современного материалиста: первый исходит в утопиях, а второй — с нами воюет.

Не изучали мы конкретного немца, это он с нами борется, разрушает соборы, и это он — философствует, философствует в дни войны, и читает в траншеях: Заратустру, Библию, Фауста, мобилизует промышленность — он, ставит Гоголевскую «Женитьбу» и понимает Шекспира, удушает коварно нас газами, и восторженно присягает заветам... Новалиса: теперь, он, в эти дни!

Всеми этими черточками должно выгравировать современного немца; в противоречиях распадается он перед нами; единство, признаться, отсутствует в нем, восстающем в сознании нашем; здесь, в сознании нашем, современный немец живет в многообразии образов; плюралистично ветвится он; он же целен до крайности и представляет собою единство в многоразличии; в самосознании нашем его единство отсутствует; не понимаем мы все еще современного конкретного немца; и словами Тютчева о России иногда говорит современный немец о современной Германии — не германцу:

Не поймет и не оценит...

и т. д.

Ему кажется, что на востоке, на западе в современной Европе Центральной Европы не поняли, что словами ее не понять: пережить ее надо.

Так немцу кажется.

Чтобы так не казалось ему, надо нам изучить его тыл: хладнокровно, отчетливо, педантично; в изучении этом нам надобно временно отказаться от естественно нас волнующих чувств; хладнокровно, отчетливо, педантично надо нам разбить две абстракции: абстракцию сантиментального философа-немца, уже отошедшего в прошлое, и абстракцию современного немца — экономиста-милитариста, материалиста и практика, — потому что оба немца живут в современном нам немце, и — действуют в этом немце; оба в тыле, и — оба на фронте; современный немец их вяжет в единство.

Ряд других фигур восстают в моей памяти, ну хотя бы вот — Ратенау. Удивлены вы: не слышали это имя, между тем фигура эта известна повсюду в Германии, она — симптоматична до крайности; современный немец конкретный, воплотился в ней донельзя.

Инженер, техник, практик, ученый, мыслитель и «мистик» Ратенау стоял во главе колоссальнейших электрических предприятий, был директором огромных заводов; в час войны сыграл едва ли не первую роль в магической трансформации производств, перевернувших Германию. Незадолго же до войны выпустил характерную книгу он: о духовных основах самих механических сил, импульсирующих развитие нашей жизни; одухотворение науки и техники — лейтмотив этой книги.

Ратенау есть тип современного, конкретного немца — материалиста и... мистика. Этот тип не изучен, и он — ныне действенен; современный воюющий немец искренне полагает, что он борется не только за материальное благоденствие своей родины, но и за идеалы Новалиса, Фихте, Шеллинга, Гёте. Мы его должны изучить; победа должна быть победой духа над ненормальной развившейся материальной плотью культуры. Шаг к победе — реальное представление о тыле противника, его моральное устремление, самосознание, пафос есть часть тыла.

Она — не изучена нами. Пристально вглядимся же мы в нее во избежание недоразумений.

О злободневном и вечном

1

Первое впечатленье от Сфинкса:

— «Старая обезьяна, урод, эфиоп».

Последнее впечатление:

— «Ангел».

У подножия Сфинкса бывал очень часто я; тайна слиянности в нем Аполлона и эфиопа меня поражала всегда; эта тайна вырвала его из веков; этой тайною он притянут к XX веку до нашей эры; и — после; так оба XX века пересекаются в Сфинксе: а прибои культур пеною разбиваются о него; он глядит — из-под греческой маски; и из-под рожи современного футуриста-художника; злободневность в нем разорвана в Вечность; и в нем Вечность сама — злоба нашего дня; в нем слиты полярности пола (он — ὁ Σφίγξ; он — ἡ). Нет ничего злободневнее кучи трухлявого камня, на которой изваяна эта старая голова.

Ряд статей одного писателя (к сожалению, разменявшего свой талант) вспоминался в Египте мне: произведения Достоевского в нем сопоставлены с… египетской графикой, как плоды одинаковых переживаний и бурь; если так это, то интимное ведение Египта мы носим с собою; его тайны — на улице, где-нибудь между Литейным и Невским, а не… в булакском музее; тысячелетия прошлого не вне нас — в нас они, с нами; и в движении нашего пальца, в улыбке, в манерах, в цилиндре, во всем строе жизни — осуществившийся синтез Египта, Халдеи, Ассирии и т. д.; откровение ассирийского духа не в кропотливейшем изучении мало понятных письмен, а в — газетной статье, может быть; эсотерика — *в умении видеть*: на улице — ули-

цу; в храме — храм; под злободневною рябью — океанические глубины все те же, что и под спудом мистерий; пиджаки таинственных мантий; и несомненно мне, что та же священная тайна построила формы: фараоновой шапки и каски пожарного; в линии орнаментального завитка на дешевеньком *ситчике* — линии священнейших таинственных знаков; в бегстве от «*улицы*» правды нет: в умении видеть на улице *сфинксовы тайны* — посвящение в мудрость XX века. Собственным ликом на вас смотрит Рамзес II, фараон — из-под стекла, в музее среди каирских кварталов, напоминающих мне Париж, а его двойник, полисмен, феллах, стилизованным *египетским* жестом поднимает на улице белую полисменскую палочку среди автомобильного тока; подлинный лик Рамзеса — феллахский; между Рамзесом и статуями Рамзеса в Мемфисе — ни малейшего сходства нет: впечатления эпохи Рамзеса посещают вас и на улице; вы бываете странно выбиты — изо всех культур и историй.

2

Кто не знает этого переживания во время горных подъемов? Вы живете в маленьком городке; вы охвачены его жизнью; и вы в нее впаяны; вы сидите в кафе; и со всеми вместе склоняетесь вы над газетою; переживаете события мировой войны, бродите по бесконечным уличкам, над которыми приподнялся далекий, все тот же, пейзаж — точно фон декорации; и все то же озеро плещет, бросая о берег все те же лимонные корки.

Вот теперь вы уходите в горы.

Смотрите же: —

— озеро опустилось под ноги и медленно сжалось; разгладилась его рябь, будто скомканный лист оловянной бумаги отполировала детская ручка; и проступили: глубинные, невыразимые тоны вод; так проясняются глаза человека в минуту задумчивости и изливают лазурь, из извечного устремляясь в века; и тает так в современности злоба дня; из-под пены ее наблюдаете вы в современности тысячелетия прошлого.

И так при поднятии в горы.

Изменяется все: цвет воды, дома, люди, рельефы; бесконечности каменных домовых квадратов и кубов теперь сжаты глубоко под вами — на четком мысочке; а казалось, дальние горы — повытянули свои главы, раздались громадно плечами и перегнулись над озером — прямо к вам: на вас смотрят в упор; то, *чем смотрят* они, не война, не события городка, города, столицы, страны, континента, эпохи, периода времени; о современности, понятой в нашем смысле, не может быть и речи; и — тем не менее: *этот взгляд* современен; и эти пространства утесов злободневно кипят множеством неизливных ручьев; Ассирии, Вавилоны, Египты кипели своей злободневностью; и — откипали бесследно; а эти летящие струи кипели всё так же, и *тем же* кипели; кипение этой жизни — не мертвенно; мертвеннее — сиденье в кафе; даже мертвеннее — война; все текущее остановится в XXV столетии, перенесется в музеи (если будут музеи); на мыску там, под вами, будут выситься, может быть, пятиугольные здания со странными куполами; а кипенье потоков, взгляд горных громадин — останется тем же все; *то же* — вызовет он в душе, что в этот миг происходит; переживание Ганнибала, может быть стоявшего здесь, вы узнали теперь с математической точностью;

человек XXV века, вы, Ганнибал и пещерный доисторический человек пересеклись теперь в одном пункте души; и то, в чем вы все пересеклись, есть вечное; кристаллизация культур, эпох, современностей и довлеющих дневных злоб выкристаллизовались из подобного мига; вы теперь — не над маленьким швейцарским местечком, а над всеми культурами: бывшими, грядущими, сущими; вы у себя самого; потому что вы — в космосе: и космическая картина сознания из-под порога сознания городского — она перед вами; в дневнике происшествий пред вами разъялися смыслы; загласили они громовыми воплями серафимов; обратно: с глубинного переживания Заратустры слетает покров: и покрывало Изиды откинуто. Вы теперь — мощный горн, где потенции всех небывших и бывших культур протекают в расплавленном состоянии; и погибни история: из души человека, как из вулкана, поднявшися, вытекут все культуры с тайнами и бестайностями, все кристаллизации истин, все несчетное число их покровов; тут вступаете вы в ту область, где разумение законов и истин не в них, а в самом законе законов, их строящем: в ритме строения, в законе метаморфоз переживаний, мыслей, мод, стилей, линий; здесь сознание перелетает порог, потому что и нет его у сознания; порог сознания сознанию не присущ; порог сознания есть всегда лишь граница, извне застилающая мои кругозоры: не граница зрения, а предмет перед глазами стоящий, как вот эта стена моей комнаты, улицы, застилающей зрение горы; зрение мое видит звезды, в зрении миллионноверстные дали перемогаю свободно я; в сознании — тоже; надо только выйти из рамок; уметь развить мускулы, способные приподымать меня за порог передо мною положенных стен и мне не присущих.

Многие жители городов не покидают города вовсе; а для многих больных представление о пространстве связано с представлением о четырех желтых стенках, вытарчивающих у них за окошком. По отношению к сознанию — то же; мы все больны параличами воли сознания; оттого-то мы ему искусственно полагаем границу — в пространстве и времени; эта граница в пространстве — стена; и эта граница во времени — злободневность; злободневность и провинциализм нашей жизни из поколения в поколение отпечатали в нас свои представления о границе сознания и о пороге сознания; границ сознанию нет; а пороги сознания побеждены — в пространстве и времени.

Ведомы нам дали звезд; и — непосредственно ведомы; а непосредственное переживание тайн истекших культур — звезды Индии, Персии, Египта, Халдеи — будто бы нам неведомы; и будто бы: чтоб понять нерв истории, надо кануть в пыль музейных архивов; но музейные данные не Египту научат нас; а египетской пыли; сам Египет — он в нас; кровь от крови его, плоть от плоти его — мы: следует только твердо отставить систему фальшивых порогов, в которых будто бы сознание наше заключено, как в тюрьму; эти «пороги» есть пыль злободневности: ее ненужные отбросы; в своих нервах она — та же древность, которую будто бы она заслоняет, и то же грядущее, которое будто бы и вовсе неведомо нам; оно неведомо в своей «пыли»; и оно с нами — в сути: в ритме душевные глубины обнажены нам бывают порою; надо только суметь произвольно их открывать и описывать явления глубинной жизни сознания; в душе каждого обнажаем колодезь, у которого нет индивидуального дна и который есть выход одновременно в небо духа и космосов; как по тем же космическим принципам образовались планеты всех солнечных систем всех вселенных — точно так же слагаются и слагались фазы истории; и закон фаз

во мне; улови я его — история встанет передо мной разоблаченной в ее объясняющем стержне; а понимание многообразий мелодий ее — только чтение нот; суть не в нотах, а в принципе нотного чтения; и умение чтения знаков событий, искусств, стилей, мод, философий, религий и душевных движений — в умении опускаться в себя, открывая горы и пропасти; кажущееся противоречие между жизнью в себе и в других устраняет первый опыт внимания к своим собственным душевным движениям; кажущаяся их хаотичность, невнятность, бесстроица; т. е. все то, что любители звучных слов именуют «*сублиминальным полем*» сознания, — на сознании насевшая пыль: принимаясь за чистку пыли, вы пыль поднимаете; но именно поднятие пыли есть условие очищения от пыли; при внимательном взгляде внутрь исчезает весь хаос; окружающее отражено вами и чище, и четче; в умении отражать — умение понимать; душа — зеркало мира; замутнено оно — мира нет.

3

Злободневность летит перед нами на своих острейших углах; быт и вкусы кричаще ломаются на протяжении трех-четырех поколений; так в малых масштабах линия исторической жизни рисует контрасты нам; а в огромных масштабах господствует закон сходств; многообразие изломов истории в ее мыслях, вкусах, костюмах, архитектонике стилей, быта, привычек — образует легкую рябь по отношению к основной неизменяемой прямой линии времени; на известной стадии восхождения стирается эта рябь: и отражается в зеркале жизни душа человека; жест куафёра и жесты Фридриха Ницше разительно противоречат друг другу, пока вы в злободневности, верней, в ее отбросах; но погружаясь в себя или только чаще карабкаясь в горы, вы начинаете понимать оба жеста как модуляции единого душевного жеста; вся бесстроица мимик теперь — метаморфоза немногих нот мимики, ведомых вам изнутри и глядящих извне на вас: улыбкою египетских статуй, улыбкой Джиоконды и…, может быть, вами виденной булочницы; понимаете вы: что душа древней критянки не так-то закрыта от вас, раз XVIII век, столь вам близкий, повторяет пред вами древнейшие критские моды, как гласят нам раскопки.

Возвращаясь с гор, только чутче уловите вы все горное в долинной деревне; возвращаясь из себя в злободневность, вы увидите — Вечность в ней.

Ницше, модница, мировая война, дневники происшествий, раскопки на Крите, священные письмена и текущий судебный процесс — злобы дня Вечности, потому что вечное — злободневно; умение переносить тысячелетья в мгновения, умение переживать мгновенное в вечном — злободневнейший нерв злобы дня, потому что Сфинкс истории стоит перед нами, Эдипами, и предлагает нам свои загадки и тайны — злободневными темами, и злободневнейший ответ злобы дня есть наш ответ Сфинксу.

Наш ответ есть судьба.

Восток или Запад

1

Одинаково остр вопрос — на востоке и западе: в России, в Китае, в Европе, в Америке, на Сандвичевых островах, у бурят… Кто «*мы*» — чукчи, буряты, немцы, русские, малороссы, литвины, иль… люди? И кем должны стать: обитателями провинции, страны, континента, или же — обитателями вселенной, участниками космической жизни, равноправными гражданами всех планет и всех солнц?

И говорят нам: «Мы — *запад*». Но на западе «*запада*» нет. И говорят: «Мы — *восток*». Где «восток»?

Что «востока» и «запада» нет, было ведомо Гёте, и очень многим до Гёте; почему же все-таки:

— Восток или запад?

Да потому, что все треснуло: омертвенела культура; и — валится; что какой-то росток разрывает умирающие и набухшие части; бывшее центром жизни вытолкнуто к периферии, вовне; и мы ходим «чреватыми».

Столкновение двух культур, душ и рас раскололо нам душу — о дух; расколотые половинки души симметрически закачались и выпали (из нас — вовне нас) «западом» и «востоком»; и что было не видно доселе, стало видно теперь; ‹охватить грандиозности кризиса› нам нельзя в потрясении нашем; все охваты умеренны; все «*востоки*» и «*запады*» — пристойная маска мирового скандала; произошла огромная непристойность: жизнь треснула; но по правилам доброго старого времени мы стараемся все еще эту трещину заклеить бумажкой, а расколы жизни смягчить и затушить в антиномию между германцем и русским, мужичком и чиновником, славянофилом и западником.

2

Не понимаю я деления на «восток» и на «запад»: передо мной серия многообразных делений по национальностям, по идеям, по вкусам и по периодам времени; эти серии «*западов*» и «*востоков*» напоминают материю цвета «*шанжан*»; скажешь: «Вот, вот — восток». Отойдешь на шаг, скажешь: «запад»; отойдешь на четыре шага, и — «восток»...

— *Азия была народовержущим вулканом*,

— так когда-то напыщенно сказал с кафедры один профессор истории, Гоголь-Яновский. Для известного периода — да; вообще — нет и нет! Северно-европейское происхожденье «востока» есть факт науки; «*народовержущий вулкан*» передвинут: он — двигался: с севера Европы к востоку и югу; но — опять-таки: как попали в Испанию древние изображения ацтеков? И откуда запали в архипелагские древности пернатые краснокожие? Геология дает право нам думать об исчезнувшем континенте — мифической Атлантиде; в ней — начало и «западов», и «востоков»: «народовержущий вулкан» тут, и из него струя лавы — через Европу на Азию — оплодотворяет Азию и в сумеро-аккадийской культуре слагается в тот «восток собственно», который не так уже древен и не вовсе «восточен»: история и деликатней, и тоньше провозглашенья о ней профессора истории Гоголя в громовержущей риторике слов:

— «Азия была…» и т. д.

Гоголю простителен этот образ; но он нам непростителен; непростительно деление в наши дни на деторождающую, безмозглую Азию и на Европу — бездетную, но… с идеями: на «восток», и на «запад».

Таким «западом» окажется Герберт Спенсер для нашего русского западника (до и после — «востоки»); и таким «востоком» окажется наша Русь, если мы ее сложим по образу и подобию старинного быта: «извержение чад» будет в ней; извержение мыслей — не знаю.

3

Наши «западники» и «восточники» населяют наш умственный мир несуществующими «западами» и «востоками».

Заратустра — восток или запад? Географически он восток, а по правде сказать, только «запад»: его связь с Гераклитом и далее с Гёльдерлином, Новалисом, Демелем, Моргенштерном (великолепнейшим современным поэтом, недавно скончавшимся), с Ницше установима, отчетлива; стоит взять в руки «Гаты» Ясны — т. е. гимны из книги, приписанной Заратустре: солнечная гуманная ясность и утверждение личности — в них; Заратустра — солнечный щит, защитивший некогда запад от злого мрака туранства; он — «западник»; и, конечно, Кант учредитель умственного Китая на западе, Шопенгауэр — «индус», перелагает Веданту нам; незыблемость ведантических истин, его эпиграф к системе; в нем рождены — Ницше, Вагнер, а «запад» — пульсирует ими.

Что такое Фриц Маутнер, Вильгельм Вундт, Бенно Эрдман и очень многие прочие? Двое первых пригвождают нам мысль к корню слова: а корень слова выводят из безглагольного и чисто восточного взвизга «нутра»; солнечность смысла слова и мысли стираются ими. А Бенно Эрдман, психолог и логик, провозглашающий, что суждение «*являет собою течение словесных представлений, которому не соответствует никакого значения*», он — «восток» или «запад»? В подтверждение этих ‹слов› эфиопская гримаса ‹Сфинкса› отчетлива, непререкаема, явна: в утверждениях этих с запада прет «восток» и в борьбе с «восточною» тенденцией запада защищающий автономию слова и мысли Н.А.Бердяев (восточный мистик) по-западному отражает нам с запада на нас прущий «восток».

Борьба «западов» и «востоков» — борьба химеры с драконом; оба — мифы, не уплотненные еще никогда и желающие воплотиться впервые; воплощение мифов есть выход: из замкнутой исторической жизни в мифическую; и из нее — в дали Космоса; на рубеже ее, угрожая и застилая нам путь, перед нами встают: «восток», «запад», пролетарий духа и Ксеркс; парий востока и… духом запада играющий Заратустра меняют обличия, а между ними едва заметный пролив в океан новой эры: там ждет нас Видение Будущего — не восток и не запад:

О Русь! В предвиденьи высоком
Ты мыслью гордой занята:
Каким же хочешь быть востоком —
Востоком Ксеркса иль Христа?

Вл. Соловьев

4

В ближайшей истории запада, где «запад» западников? Разумеется, в схоластике его нет, между тем она — полузапад; в ней — слияние аристотелизма (запада) с александрийской религиозной догматикой, которая опять-таки есть сочетание «западника» Платона с востоко-западным гнозисом; так, слияние этих линий с выявленной в христианстве явно западной линией из явно восточной, еврейской рождает начало схоластики: что такое схоластика? Ну, допустим, «восток», коли западный гуманизм поражает главу ее, но и это наследие запада, несомненно, зачато в «востоке», коли «мистика» (Бёме и Экхардт) «восток», так сам «западный» запад, сражающий «полузапад» схоластики, — плод несчастного брака с «востоком», незаконнорожденность его налицо; в своих чадах — в протестантизме, в науке, во всей истории философии продолжаются незаконные браки и перед нами проходят — «китайская» линия кантианства, индуссизм Шопенгауэра и весь «восток» его линии (Гартмана, индуссистов Дейсена, Чемберлена); эта линия интерферирует культурою явно западных мифов у Вагнера, Роде, Ницше… Где — «*восток*» и где «*запад*» на западе?

Русский западник вынужден признаться, что его запад — Спенсер, Конт, Милль, а до них лишь «востоки» на западе, а после них — лишь «востоки»; но человечество Конта — современная маска «Софии»; «непостижимое» Спенсера — современная конфуцианская маска.

5

«Запада» на западе — нет. И точно так же: нет «востока» в востоке. «Восток», «Запад» — треснувшие каркасы умершей культуры, из середины которой мы уже выходим в борениях нашей совести, в падении великолепных соборов ее, в мировой войне, в мировых безумиях, нас влекущих к... Голгофе: завеса старого храма разодралась ныне надвое: на «*восток*» и на «*запад*»; за ней — мгла; за ней — возглас: «Или, Или».

Совершившееся раз с Одним, да совершится со всеми: мы примем Распятие и потому-то мы знаем наверно, *что́ там ждет нас за мглою*, туда, в нашу мглу, говорим, отвечая на вести:

— Воистину…

Мертвые города

1

Тесно связаны мы с обстающим, которое нами пронизано так, что мы можем сказать: геология — продолжение психологии; в океанах душевности кристаллизуется материальность, которая есть отложенье души; материя нарастает на духе так точно, как растут на нас наши волосы; человеческий организм продолжается в волосы; человеческий дух продолжается в его обстающие земли.

Это мнение звучит парадоксом; но ученик знаменитого Вернера — Стеффен, норвежский теолог, его проводил в геологии; горный инженер Гартенберг его разделял; он был тоже слушателем Вернера, хотя и известен он нам на другом своем поприще под псевдонимом Новалис.

Действительность, обстающая нас и нам данная, — еще хаос: переживания, мысли, предметы и воленья в ней кипят: данность мира, первичная данность — всегда: лепет Парок и суетня «мышьей жизни», над которой одни восклицают:

О, странных песен сих не пой...

А другие задумываются:

Я понять тебя хочу:

Темный твой язык учу...

Понимание есть работа души над бесстроицей данного: оно — творческая способность, впервые слагающая в мире данного хаоса объективность действительности; соединение данного хаоса с образованной идеей о нем есть действительность; нет ее еще в первично данном объекте.

2

Это все приходит на ум при посещении иных из курортов Швейцарии, ныне пустующих.

Они — мертвые города.

Многорядица друг на друге сидящих, друг друга давящих отелей, ужасна; и ужасен отель, взятый порознь; бестолковый, огромный, чудовищный каменный куб; да, мы все провалились в кубизм; направление в живописи ни при чем: направление нашей собственной, мертвой жизни оно отражает удачно.

В брошенных городах раздается ужасно: кубизм нашей жизни, снаружи прикрытый цветами, как вот этот чудовищный куб («*Palace*» иль «*Splendide*» — все равно), перед которым для вида разбили пестрейшую клумбу и глупо воткнули две пыльные пальмы, чтобы они веселили взор пестрой жизнью растительности; все равно: безобразный куб разве спрячешь? Из него через две пыльных пальмы на вас прет оторопь «*непокойного дома*», пустого, где еще резонируют стены — разговорами, думами и поступками обитавших здесь фатов и модниц пяти частей света; слов не слышите вы; и поступков не видите; но внимаете жестам жизни, здесь бившим недавно, еще до войны; события — пролетели; а жесты — остались; они ютятся в обоях, в коврах, в плюше кресел: и поднимаются пылью теперь; и покрывают столбами вас этой (глазу невидной, душе же отчетливой) пыли: и пыль ужасает.

Непосредственное впечатление предметов носит долго печать обладателей, а впечатление домов сохраняет печать обитателей; обитатели и посетители дома меняют самое впечатление стен; безобразие самих стен благообразится благообразием жизни; обратно…

Вот — кафе, пансионы, отели, курзалы и клубы: пустые, большие, тяжелые, каменные; и — сумасшедше-тупые: дико смотрит бессмыслица окон; торчат рои труб; безобразно оскален подъезд; стоит хохот подъездов.

Пустая действительность камня пред вами изобличает пустую действительность здесь отхлынувшей жизни; ее обнаженный костяк — вот, перед вами: чудовищный каменный *куб* с… квадратами окон; и — две пыльных пальмы.

И эта жизнь есть «*Splendide*»...

Здесь, по каменным тротуарам, под пеклом, утирая усиленно пот, волочились с цветками в петлицах ленивые снобы всех стран в белоснежных суконных штанах и в кургузых визитках; здесь они флиртовали, отплясывая «*танго*» всех стран: изо дня в день и из месяца в месяц; всё так же, всё те же — дамы в газовых платьях, полуоголенные, напоминающие стрекоз, меж рядами камней здесь стреляли глазами в расслабленных «*белоштанников*»...

Теперь — все не то.

Пусты — рестораны, курзалы, отели: смешной «*белоштанник*» — ненужный, надутый — протащится дергаясь из хохочущей пасти подъезда — куда-то; он не знает — куда: остановился; и смотрит он, как стоит полисмен, как протащится трам (совершенно пустой), как пройдет полногрудая дама с огромнейшим током на шляпе — в кричаще-зеленом во всем; из-под сквозной и короткой юбчонки дрожат ее икры; и до ужаса страшен ее смехотворный наряд, заставляющий ждать от дамы, что она вдруг пустится в танец; но глаза ее — грустны и строги; и как бы говорят: «ну за что меня нарядили во все это…»

Ее жалко… до боли…

Может быть: ее муж залегает в траншеях; может быть — в эту минуту бросается он в рой гранат; глаза — плачут; и — *там* они; а посадка фигуры, походка и «*все прочее*» моды заставляет несчастную модницу продолжать «*danse macabre*» в каменных тротуарах умершего города.

Дама — в испуге: а «белоштанник» — бодрится; и развинченной, дробной походкой бежит ей навстречу. Вот уже он в кафе: и ему, одному, неизменный оркестрик венгерцев визжит что-то скрипками.

Но забвения — нет. Нам поэт говорит, будто —

В бездне бесцельности
Цельность забвения.

Бальмонт

«*Бездна бесцельности*» — сотни и тысячи «*белоштанников*», сотни и тысячи стрекозящих франтих, заполнявших недавно здесь всё; эта «бездна» отхлынула; «*цельность забвения*» — *марево*: действительность повела нас от стен этих зал через фронт к поискам живой жизни: не этой.

Оттого-то ужасны здесь отложения жизни — теперь; оттого-то ужасны пустые кафе и отели; многоглазые чудища расхохотались; и — дразнят: подъездами. Некому подъезжать; но и — *не к чему* подъезжать.

3

Осенью я приехал в Монтрё; и — бежал.

Монтрё — мертвый город.

«*Белоштанника*» видел я; он напомнил мне дикаря, анахорета мертвого города, распевающего печально о прошлом.

Среди пения птиц и ручьев я смотрел себе под ноги, где у озера омертвеневшим пятном расползалася безобразная бугорчатка из каменных, маленьких кубиков, как растущий лишай на цветущей природе.

Таков Монтрё с гор.

Изредка я опускался, теряясь в объятиях зданий, пересекал их пустые рои; тротуары, лестницы, крыши казались вселенной, а вселенная гор за Монтрё из Монтрё принимала вид обыденнейшей цветной фотографии (прикосновение к пошлости всё опошляет).

Мне казалось, эти кубы домов, безобразно огромных, бесстильных, разгромоздились над бездной; их удел — оборваться в *ничто* или же: медленно раствориться в бездонном по образу и подобию облаке; рассеяться маревом; в *никуда* и в *ничто* поднималися стены домов; и *ничто* глядело из окон; выбивались ковры, клубы пыли валили с пустого балкона, с веранды и глупо и пусто грустнел бедный сноб: в *никуда* и *ничто*.

Разъялись иллюзии будто бы многокрасочной жизни; ее краски — татуировка, и бронзовеет под нею дикарское тело; и каменеют под пестрыми амулетами дамских мод — тела «*каменных баб*»; вспоминаю невольно: еще недавно приняли многие ницшевскую «*blonde Bestia*» просто «*бестией*»; оказалось: *биологический* блондин, «*blonde Bestia*», есть — болван: пережиток каменного периода, неизвестно как попавшего в будущее, нам оттуда грозит: омертвением, одичанием жизни.

Праздность жизни — дикарство.

Дикари — декаденты, они — обломки культур; неосмысленность утончения жизни разъедает культуру и низводит к дикарству; утонченность экзотики, стилизации и искусственный примитив — переходные стадии от культуры к дикарству, и футурист (парижанин, берлинец, москвич — все равно!) — переход к дикарю.

Карфагенские бритвы в позднейшем периоде жизни встречаются: у танганайского негра; там они — боевые ножи; так всегда: футуристические манифесты о разгроме искусства обернутся действительностью; томагавок «*грядущего хама*» грозит Джиоконде.

Среди нас, в городах, образуются новые племена: папуасов XX века; в многообразии проявлений бежит папуас среди нас; он — «*тангист*»; он «*апаш*»; «*футурист*» есть одно проявление; «*белоштанник*» — другое.

В настоящее время с нас сдернуты: украшения, амулеты и кольца; лики мертвенной жизни восстали: кричат; безобразие мертвых курортов — кричащее проявленье дикарства XX века; пока била в них жизнь — мы пьянились ее кричащими блесками; но эти блески суть перья и кольца, которыми нас обманывал *папуас*, утверждая, что он — европеец; и мы — ему верили; и танцевали мы — кек-уок, негрский танец; и «*кек-уоком*» пошли мы по жизни; и «*кек-уоковой*» поступью бродит доселе, один — грустный фат: в мертвом городе: печать «*Кек-уока*» и «*Танго*» — на всем в нашей жизни; и она — печать дикаря, которого якобы цивилизацией рассосала Европа; не рассосала — всосала: его огромное тело в свое миниатюрное тельце. И Полинезия, Африка, Азия протекли в ее кровь: в ней вскипели; в ней бродят и бредят: уродливо-дикой фантазией, беспутицей плясовой изукрашенной жизни: бытом, стилем и модами; и даже — манерой держаться.

Европа — мулатка.

Что-то дикое есть в безобразии стиля домов, в сумасшедшем взгляде пустых мрачных окон отелей, в глухих звуках *гонга*, призывающего в час обеда к огромным столам… «*Никого*».

Мертвый город — курорт — без людей напоминает ряды огромнейших черепов, оскаленных подъездными ртами; это — смерть; и от нее мы должны отрешиться: создать город жизни — «*Град Новый*»: Град Солнца.

Если мы не осознаем ближайшей задачи своей, то мулатский облик Европы из шоколадно-лимонного станет… бронзово-черным; и из легкой личины «утонченной» кек-уоковской жизни вдруг оскалится морда негра: взмахнет томагавком.

Негр уже среди нас: будем твердо… арийцами.

Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии

1

Русским невыносимо читать характеристики русских нерусскими; невыносимее всего их похвалы с их дипломами на право числиться «западом».

Очень многое, что писалось «за и против» России, писалось не о России, а о… «теле медведя», для одних очень милом и для других очень грозном; в изображении души русской жизни души-то и не было: было… «тело медведя»…

Теперь — все не то.

Метод касания русской жизни иной; характеристика бытовых явлений — живее, конкретней; и слова иностранки о том, что хотела бы и она повидать горный город Москву (это — факт), были образом и подобием моральных определений России со стороны иностранцев.

2

В осторожной, корректной газете «Basler Nachrichten» появилась статья под заглавием: «Moskau und Petersburg»[1].

Повторяет она очень частые мнения русских — о Петрограде, Москве: интересует нас в ней теплый тон к явлениям русской действительности. Я позволю себе привести весь ход мыслей статьи: слишком он характерен; слишком он интересен нам, русским, чтобы от него отказаться.

Противоположением Берна Цюриху и Мюнхена прусской столице, Берлину, не охарактеризуешь противоположения Москвы Петрограду, — пишет автор статьи; пусть Москва — как наш Берн, — город с яркою национальною физиономией: Петроград же Цюриху не подобен; то, чем нам говорят старые переулочки Цюриха, чем глядит на нас Мюнстер, — все же есть выражение подлинно швейцарского духа; даже самый Берлин, угрожающий прусским духом Германии, все же более связан с Германией, чем Петроград с огромною остальною Россиею; они — создание сверхисторических веяний; и если сердце России — Москва, то Петроград — не глава ее; не история нации отразилась в нем, а история государственной русской жизни за последние двести лет.

Создание столицы не изменило биение пульса истории: пульс истории русской в Москве; Петроград — исторический вымысел, с невероятною трудностью восстав-

[1] См. «Basler Nachrichten» от 23-го и 24-го июля, нов‹ого› ст‹иля›.

ший из-за туманных болот всевозможным роем соблазнов для подлинных русских; и небесные знамения и пророчества сопровождали восстание это, бывшее для многих воистину знамением приближения антихриста; говорилось: «Быть Петербургу пусту»; и расколы, и секты плодил он в России; заревом «самосожжений» окрашено его появление на свет.

Автор статьи продолжает: — произведение той же фантастики: «всешутейший собор» с «всешутейшим» папою в нем и — «Санкт-Петербург», т. е. город с по существу нерусским названием, оставшимся чуждым русскому духу, даже в своих сокращениях (как то: «Питер»); наоборот: самоцветным камнем Москва изукрашена («белокаменная», «кормилица», «матушка» и т. п.). Дело Петрово, — поучает автор статьи, — цивилизаторство: не «культура» она, наоборот: отрыв от народной культуры; не органическое соединение «культур» Запада и России, а смешение формы их (цивилизации) с содержанием русской жизни; и боярские бороды, срезанные по мановению ока царя, — гласит автор статьи, — возродились, конечно же, в Петрограде, приняв фантастический облик. «Бюрократизм» совершенно чужд русской жизни, пульс которой — Москва; и от того-то отсюда исходит: неприятие «петербургского» периода русской жизни; и смешению цивилизации и культуры противополагает Москва органическое соединение культур «национальной» с «западноевропейской»; цель похода Наполеона — не Петроград, а Москва; и Москва победила его; и в Москве началось освобождение от ига тирана.

Так думает автор, и замечает он, что неспроста в Москве сосредоточены символы, собственно, исторической жизни России, как, например: колоссальнейший памятник делу освобождения крестьян — стоит здесь; здесь же — центр организации земского дела России; здесь центры — коммерческой и благотворительной жизни: многообразие клиник, больниц, созданных из пожертвований, — окружает Москву, украшая ее; все это, по автору, — символы органической связи культуры Европы с культурой народа; таким символом здесь — университет (Alma Mater России); таким символом является лучший и оборудованнейший русский народный университет; и — неспроста: в Москве родились, в ней окрепли или же из нее родом — духовные вожди русских (Пушкин, Толстой, Достоевский, Чаадаев, Герцен и пр.). И неспроста, по автору: Петроград — вымышленное «окошко в Европу» — много раз показал себя «дверью с засовами»; и неспроста, что догматы «петроградской действительности» упадали тяжелыми камнями на живое сердце России. И неспроста сказал Достоевскому подлинный славянофил Аксаков, — что главнейшее условие к освобождению живого чувства к России в нем есть именно нелюбовь к «Петербургу». Далее приводятся автором и слова Достоевского о Петрограде, взлетающем над землею с туманом; характеристика переходит к отношению Петрограда, Москвы к мировой войне.

Современную «мировую» войну повела Москва, т. е. сердце России; а шпионская война — дело рук Петрограда; этим и обусловлен контраст в отношении к войне русского общества теперь и одиннадцать лет ранее; дело рук Петрограда не согревало сердце России; на военный призыв Москвы отозвалась вся Россия; и с изумлением увидала Европа стойкую, свежую, мощную и окрепшую Русь, отозвавшуюся на

московский призыв соединенных земских и городских союзов, бросившихся из Москвы на подмогу фронту и осуществивших реально, вопреки Петрограду, кровное соединение русского тыла и фронта; «Петроград» тормозит это дело; даже сам «московский погром» (от которого пострадали главным образом русские) — отражение в Москве «петроградского бюрократизма»; с ужасом отшатнулась Москва — свежая, либеральная и живая! — от этого темного дела…

Автор заключает статью свою указанием, что для победы русских над немцами необходима свобода действия для «Москвы», необходимо доверие к «Москве» «Петрограда».

Статья замечательна: интерес повышается к ней, если примем мы во внимание, что «Basler Nachrichten» есть орган «немецкой Швейцарии» — осторожный, корректнейший, справедливый, но все же — «немецкий»…

Статье «Moskau und Petersburg» предшествует другая статья (в том же органе); в ней вскрываются беспристрастно причины роста враждебности русского общества к немцам на политической почве; статья разбивает, наверное, иллюзии многих, все еще желающих верить в «бюрократический» характер войны, которую мы ведем против них; проливается в ней новый свет для обитателей Базельланда; и свет — дневной, подлинный; погашаются ею все условности в освещенье России; и возникает «Московия» — настоящая: либеральная и живая; и возникает «Москва» — не «горный город с медведями», а Alma Mater России.

3

До последнего времени иностранцам казалось: Достоевский, Толстой — ну да, там; это, это… как великолепные монументы, упавшие из грядущего в царство «татарских» поселочков (современной России) и не связанные с ними никак; преклонение перед литературою русской носило досадно-абстрактный характер, не относимый к России; так выходило у немцев: одно — русский гений; другое же — русский, встречаемый ими повсюду, которого отвергали они и который их знал в их исконном и лучшем; знал в Шиллере, в Гёте, в Новалисе… Образ Божий его проглядели они… И вот этот «русский» стоит перед ними грозою…

Они поняли, что этот тихий, покладистый русский — покладист и тих не оттого, что «татарин» он, а оттого, что в нем подлинное воплощение гениальных образов Достоевского и Толстого, и что эти «образы» есть Россия, что Каратаевы, Мышкины и Раскольниковы, это — именно те преследуемые полицией бедные юноши, появление которых в университетах Германии так шокировало «шрамоносных» и сытых сынков их. До конца осознать слепоту не в состоянии они и теперь; и через голову «бедного русского юноши», гонимого некогда их полицией в продолжение ряда лет, — соединяют они Достоевского и Толстого непосредственно с народной стихией, попадая подчас в противоположную крайность.

Книгоиздательство «Дидерихс» выпустило брошюру о русском народе; и она — примечательна: автор пытается нарисовать «мужичка» по образу и подобию Каратаева и этим образом измеривает явления русской народной и исторической жизни; величие, смирение и бесстрашие русской души вырастает из этого освещения; и

уверяет нас автор: менее всего русский — раб; более всего — из свободы моральных исканий перед собой полагает он не бунт, а — смирение, потому что им пережит подвиг «бунта» еще прежде, в истории: в протестах раскола; протопоп Аввакум есть для автора sui generis анархист, отстаивающий религиозную совесть; русская интеллигенция, уверяет автор статьи, — остановилась на стадии этого «романтического» бунта; между тем русский народ эту стадию перерос; он — «этический реалист»; интеллигенции он непонятен и чужд; умаление русской интеллигенции есть другая абстракция, противуположная прежней: делению всей России на «Толстых» и татар; интересно не это; интересен сейчас глубочайший разгром первоначальных мнений о русском народе в немецком сознании; с лихорадочной поспешностью бросились изучать ныне немцы не изученное ими явление: сознание многомиллионного народа, еще недавно с открытым доверием обращенного к ним и как бы говорящего им в лице многих своих представителей:

— Вы должны были нас полюбить не тогда, когда ваш почтенный «гелертер» удосужился углубиться в многотомный трактат свой о нас; вы должны были нас полюбить не тогда, когда ныне мы перед вами стоим, ощетинившись пушками и штыками; вы должны были нас полюбить ради образа и подобия Божьего, который в нас вписан; бедным юношей, странником, изучающим ваших гениев, стоял перед вами тот «русский», которому удивлялись вы у Толстого и которого гнали вы, как «студента», потому что он — беден и одинок на чужбине; но его вы отвергли; он был для вас — слишком скромен; то самое «смирение», которое превозносите вы в русском народе, — в нем было: вы его не увидели… Было время: искали мы «голубой цветок» романтизма не у Новалиса только: у вас; и на протянутую руку дружбы мы слышали отповедь: «Руки прочь»… Не удивляйтесь же, что Новалисы, Ницше, Вагнеры, войдя в плоть и кровь наших чувств, не изменили в нас, русских — «русского»; и на идиллии о русском народе теперь, когда отцветают идиллии, большинство русских ответит вам: «Увы! Поздно!»

КОММЕНТАРИИ

Гремящая тишина

Бирж. вед. 1916. № 15442 (15 марта). Утр. вып. С. 2.

Очерк в сильно переработанном виде использован при составлении книги «Кризис жизни» (СПб.: Алконост, 1918): материалы 1-й главки «Гремящей тишины» вошли в гл. 1, 17, 16 книги; материалы 2-й главки — в гл. 25, 4, 26, 18; материалы 3-й главки (кроме конца, который не перепечатывался) — в гл. 18, 26, 44, 27.

Базель — Пометы принадлежит редакции газеты (из письма Белого Иванову-Разумнику от 23 июня 1916: «Я топлю свои “горестные минуты” в фельетонах; ‹...› “Биржевые ведомости” над моим фельетоном ставят “Базель”. Я бы поправил их и поставил бы: “Сумасшедший дом”» — Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Изд. А.В. Лавров и Дж. Малмстад. СПб., 1998. С. 69).

В Швейцарии говорят о войне... — Вероятно, ответ на подразумеваемый вопрос редактора и читателя газеты «Что в Швейцарии говорят о войне?».

...у немецкой границы, в углу, где живу я... — Базель находится непосредственно на границе Швейцарии с Францией (Эльзасом) и Германией (Баденом). В описываемое время это была граница только с Германией, так как Эльзас тогда был немецким (захвачен Германией после Франко-прусской войны и возвращен после Первой мировой).

...кругло затуплено в «io» самое немецкое «ja». — Речь о базельском диалекте немецкого, так называемом Baaseldiitsch (ср. возглас кондуктора ниже).

«Бааа-зель»... — Пародируется звучание названия города на Baaseldiitsch.

...не город Эразма; и это — не город Гольбейна... — Эразм Роттердамский (1466?–1536) жил и работал в Базеле последние годы своей жизни, здесь и умер. Ганс Гольбейн Младший (1497–1543) провел в Базеле значительную часть жизни, был знаком с Эразмом, оставил в Базеле многочисленные фрески и картины. Серия гравюр Гольбейна «Danse macabre» — центральный образ очерка «У немецкой границы»; образ «города Эразма и Гольбейна» связан с размышлениями об измене пути Ренессанса и гуманизма как причине современного кризиса (см. очерки «Кризис жизни», «У немецкой границы»).

«Гремящая тишина»... — Летом 1911 г. Белый жил с Асей Тургеневой в имении ее родителей на Волыни, под Луцком, и, по его уверениям, там постоянно слышался некий будто бы грохот отсутствующей телеги. В письмах Блоку Белый говорит об этом звуке: «есть же на свете таинственные вещи» (Андрей Белый, Александр Блок: Переписка / Изд. А.В. Лавров. М., 2001. С. 454; письмо от 1/14 мая 1912). В более поздних документах Белый вспоминает его неоднократно, утверждая, что это был именно тот звук, который он слушал в Базеле два года; это звук войны, особенно тяжко прошедшей по Волыни. Белый связывает с ним свое творчество этого периода и творчество Блока (*Андрей Белый*. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 384–386; гл. 9, главка «Время разочарований»; ср. также: *Он же*. Между двух революций. Часть вторая // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 447–448). Мало того, в начале 20-х годов Белый утверждает, что такой же звук слышал и в июле 1914 г., когда в обществе других антропософов был на Балтийском море; все слышали с моря будто бы гром пушек — как предвестие войны, которая начнется через месяц (*Андрей Белый*. Материал к биографии (интимный...) // Минувшее. М., 1992. № 6. С. 401). Сходным образом описывается вдохновение, которое весной 1901 г. привело Белого к сочинению II Симфонии («Материал к биографии (интимный...)», цит. по: Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского / Вступ. ст., сост., коммент. и подг. текста Дж. Малмстада. М., 2007. С. 10). Ниже, в «Горизонтах сознания», развивается другое понимание образа: «гремящая тишина» — это предсказания писателей и мыслителей о грядущем кризисе, предсказания, которые Европа не расслышала.

...девятнадцатый месяц... — Отсчитывая от августа 1914 г., начала войны.

Битвы в Эльзасе обычны... — Французский Эльзас был захвачен Германией после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и первая кампания Первой мировой начиналась с французского наступления в Эльзасе. Оно было остановлено немецкими войсками и линия фронта в Эльзасе и Лотарингии не менялась до последнего года войны, шли только описываемые Белым перестрелки.

...«гром» непрерывен; глухой говор обычно подымется; глухой говор потом упадет... — Аллитерационная игра, напоминающая рокот грома, повторяется в начале «Горизонтов сознания». Образ доктора Доннера из романа «Москва» (Donner, *нем.* — «гром») также восходит к пушкам лотарингской кампании — ср. сцену группы дорнахцев, слушающих

обстрел, в «Материале к биографии» (Минувшее. №. 6. С. 407), и запомнившуюся Белому по-немецки реплику доктора Штейнера «Das ist Kanonendonner».

Ты подвиг свой свершила прежде тела ~ Венец пустого дня… — Белый цитирует по памяти одно из своих любимых стихотворений — «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» Е.А. Баратынского. Первая из цитируемых строк у Баратынского — «Свой подвиг ты свершила прежде тела»; после слова «душа» Белый пропускает две строки, обозначая это многоточием (у Баратынского восклицательный знак). Вместо «бесследно» у Баратынского «бесплодный», в конце, после «дня» — восклицание. Анализ этого стихотворения имеется и в стиховедческих материалах конца 1900-х годов (ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 2. Ед. хр. 16), и в книге «Ритм как диалектика» (М., 1929. С. 90). Об особом внимании писателя к поэзии Баратынского вспоминала и К.Н. Бугаева (описываемая сцена, как можно понять по контексту, относится примерно к 1920 г.):

«Для Б.Н. многие из его внутренних состояний, порой даже целые полосы жизни, связывались со словами любимых поэтов или с темами музыкальных произведений. ‹…›

К тем же годам, что и “Winterreise”, может быть немного позднее, относится тема, выражение которой давал Баратынский. Привожу это стихотворение “На что вы дни”, стараясь внешним образом передать интонацию Б.Н.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Ты подвиг свой свершила прежде *ТЕЛА*,
БЕЗУМНАЯ душа!
И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем *ВОЗВРАТНЫХ сновидений*
Ты *ДРЕМЛЕШЬ, а ОНО*
БЕССМЫСЛЕННО глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

‹…›

Тогда-то с непередаваемой болью начинал выговаривать он Баратынского, подчеркивая острою интонацией отдельные слова и строчки.

После глубокой паузы на “ты дремлешь”, он обрывал голос в другую, казалось, бездонную паузу: “А оно...” И замолкал надолго, как бы ища нужное слово. И потом, из молчания, сурово и медленно приподымал, точно вздох, точно стон мировой муки Атласа: “бессмысленно... глядит...”. Глаза широко открывались, как-то стеклянно вперяясь во что-то; будто с ужасом видели перед собой это неизбежное утро, без нужды сменившее ночь, — сменившее только затем, чтобы, мертвенно повернувшись колесом пустого постылого дня, снова уйти в ту же ночь».

В книге «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» стихотворение приводится как символическая иллюстрация ситуации разрыва «личного Я» и «Я как единства сознания», которое кантианскими представлениями «растоптано в формах познавательной деятельности»; в результате личное Я начинает сознавать себя запертым в теле бессмысленным «оно» (*Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности; Вос-

поминания о Штейнере / Сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной, М.Л. Спивак. М., 2000. С. 165–166).

...душные, знойные дни... — Перифраз стихотворения Вл. Соловьева «Вновь белые колокольчики», особо ценимого младосимволистами-соловьевцами; эти же строки взяты эпиграфом к следующему очерку.

...статный баварец... — Ганс Штраус (1883–1946), художник. «Милый, сердечный и умный человек», руководил в Дорнахе группой резчиков, в составе которой работал Белый (Минувшее. № 6. С. 404). Сцена объявления войны: «…помню золотеющий вечер, склоняющееся к горизонту солнце; мы после кофе с особым самозабвением работали; вдруг на лесах произошло волнение; кто-то к нам подбежал с газетным листком; Штраус протянулся за ним; прочел и, обернувшись, сказал нам: “Все — кончено: война объявлена!” Мы опустили молотки и молча поглядели друг на друга; потом Штраус с грустной улыбкою на меня посмотрел и сказал: “Ну, *Herr Bugaeff*, вот мы с вами и стали врагами...” Я вместо ответа протянул ему руку, которую он крепко пожал» (Там же. С. 405). «Мобилизованный Штраус (баварец), который шел в армию ухаживать за пленными ранеными, все записывал слова русские, чтобы быть полезным увечным, могущим попасть к нему», — сообщает Белый в «Воспоминаниях о Штейнере» (гл. 5, § 21).

...пасторальной симфонии... — Имеется в виду симфония Л. ван Бетховена № 6 фа мажор, ор. 68 («Пасторальная»). Тема «пасторальной» симфонии, вероятно, именно в дни войны перекликается в сознании Андрея Белого с другим образом, почерпнутым из окололитературного контекста русского символизма, — это образ «пасторали над бездной» в очерке «Горизонты сознания» (см. ниже коммент. к ним).

...как пение комаров, визги ласточек, визг далеких трамваев или шум водопадика... — О привычности грома пушек для жителей Дорнаха Белый подробнее пишет в письме А.Д. Бугаевой: «Когда ко мне приехал Метнер и мы вышли гулять, и загремели пушки, на него это произвело сильное впечатление. А мы так привыкли уже, что не обращаем внимания» («Люблю тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Изд. С.Д. Воронин. М., 2013. С. 211; письмо от 13 февраля 1915).

В первый месяц войны, Боже мой, что тут было! — Паника первого месяца войны в Швейцарии подробно описана в «Материале к биографии» (Минувшее. №. 6. С. 406–407) и в письме Иванову-Разумнику (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 48–49).

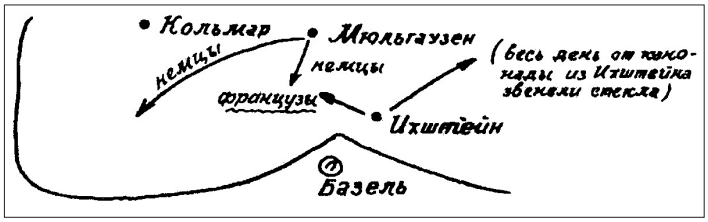
...Юпитер с Венерой — с любовью мудрость... — Юпитер, как правило, не символизирует в астрологии мудрость. Сочетание мудрости и любви восходит, скорее, к соловьевской софийной мифологеме.

— Вы поедете на Дуриго? — Илона Дуриго (Durigo, 1881–1943) — австро-венгерская певица (меццо-сопрано). Получила известность как камерная певица, исполняла в том числе песни Малера и Шуберта. Гастролировала в Венгрии, Германии, Швейцарии и России (1912).

...мне интересней Росмини... — Антонио Росмини-Сербати (1797–1855) — известный итальянский философ и религиозный деятель. Использовал некоторые кантианские идеи и термины в построении своей системы религиозной философии. Позиция Росмини именно в этот период казалась Белому особенно близкой его собственному методу описания антропософии Р. Штейнера через призму кантианской философии.

...в Мюльгаузене... — Мюльгаузен (Mühlhausen, *фр.* Мюлуз, Mulhouse) — городок в Эльзасе, тогда немецкий, после войны французский; оказался в эпицентре военных действий в

первые недели войны. Белый обозначает его на картах военных действий, которые чертит в письме Иванову-Разумнику (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 48–49). Одна из них:



Карты военных действий и их подробные описания есть в письмах к А.Д. Бугаевой («Люблю тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери. С. 201–202, 207–209; письма от августа и от 8 декабря 1914).

...профессор истории искусства в базельском университете (пал же он под ударом штыка нигерийского негра). — Чернокожие солдаты служили во французских колониальных частях. Нигерия, в отличие от Нигера, не была французской колонией. В письме Иванову-Разумнику от 11 марта 1916 г. Белый, упомянув «два фельетона, уже отосланные в "Биржевые ведомости"» (т. е. один из них — «Гремящая тишина»), пишет: «...сижу в базельской универс‹итетской› библиотеке и читаю Ласка (очень интересного философа-немца, проткнутого чуть ли не... штыком сенегальца); его "*Lehre vom Urteil*" — одна из интереснейших книг современности; но, увы, участь интересных людей ныне — протыкать или быть протыкаемыми» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 63). Эмиль Ласк погиб в Галиции, на Восточном фронте, где не было солдат из французских колоний; его убийство сенегальским или, тем более, «нигерийским» негром — художественное обобщение. По всей вероятности, превращение Ласка в «профессора истории искусства в Базеле» — также художественный образ (хранителя традиции Эразма и Гольбейна пронзает дикарь в квадрате).

В конечном счете речь идет о «внутреннем негре», о варварстве, зреющем в самой европейской культуре: «Нельзя безнаказанно упрощать человеческий жест; упрощая его в человеке, приходим к звериному жесту; ‹...› и — зверь появился (негр пьесы "У жизни в лапах"): тот негр, что проткнул своим острым штыком (при сражении в Эльзасе) профессора Базельского университета: занявшего кафедру... Якова Бургхардта!» («Кризис культуры», главка 37). Еще подробнее о новом дикарстве говорится в очерке «Мертвые города» (Бирж. вед. 1916. № 15745 (17 авг.). Утр. вып. С. 2), затем подробнее в «Одной из обители царства теней» (Л., 1924. С. 39–73).

Ни одного неделикатного разговора, ни оттенка вражды. — В «Материале к биографии», помимо многих случаев терпимости и солидарности, Белый вспоминает и другие: «В первые же дни после объявления войны ‹…› хозяин наш, Шмидт, оказавшийся немцем, стал возмутительно относиться к нам» (Минувшее. № 6. С. 406); не всегда были корректны, с точки зрения Белого, немцы и австрийцы внутри антропософской общины (Там же. С. 413); впрочем, в октябре «шовинистическая лихорадка» среди них уже ослабела (Там же. С. 410), а в апреле 1915 г. Белому опять стало казаться, что не все выдерживают дух «подлинного пасифизма» (Там же. С. 436). В письмах к А.Д. Бугаевой Белый суммирует обстоятельства — сразу с началом войны антропософской общине грозил раскол из-за ее многонациональности;

к зиме ситуация выправилась, в частности благодаря специальным усилиям Штейнера («Люблю тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери... С. 206; письмо от 8 декабря 1914).

Горизонты сознания

Бирж. вед. 1916. № 15446 (17 марта). Утр. вып. С. 2.

1-я главка «Горизонтов сознания» (кроме окончания) в отредактированном виде вошла в гл. 28 и 8 «Кризиса жизни», первые абзацы 2-й главки — в гл. 40 книги. Остальная часть очерка не перепечатывалась.

В грозные, знойные, душные ~ те же они… — Стихотворение Вл. Соловьева «Вновь белые колокольчики» (1900). Белый цитирует по памяти, контаминируя конец и начало стихотворения (у Соловьева: «В грозные, знойные / Летние дни…» в начале и «В тяжкие, душные, / Грозные дни…» в конце).

Гремела телега ли… Пушка ли? Это было под Луцком. — О трактовке таинственного звука, который слышался под Луцком, как предвестия войны см. выше, в комментарии к «Гремящей тишине».

Дни текут… Времена накопляются… Приближаются поступи сроков… И исполняются сроки… — Вероятно, тут Андрей Белый отсылает читателя к своим симфониям («Дни текут... Времена накопляются...» — цитата из первой редакции «Кубка метелей», см.: *Андрей Белый.* Симфонии. Л., 1991. С. 457; повторено как слова Коробкина в рассказе «Иог», см.: *Андрей Белый*. Серебряный голубь. Рассказы / Изд. В.М. Пискунов. М., 1995. С. 303).

Про 913-й год говорилось так много в крестьянстве... — В «Петербурге» (гл. II, главка «Степка») по деревням ходит письмо, начинающееся так: «Близится великое время: остается десятилетие до начала конца: вспомните, запишите и передайте потомству; всех годов значительней 1954 год» (*Андрей Белый*. Петербург / Изд. Л.К. Долгополов. М., 1981. С. 105).

...просчитало... — Sic (вместо «просчиталось»).

Опять над полем Куликовым ~ Высоких и мятежных дней. — Белый несколько раз сближает творчество Блока периода «Куликова поля», образ «гремящей тишины» и предчувствие мировой войны, см., например: *Андрей Белый*. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 384–386; гл. 9, главка «Время разочарований»; ср. также: *Он же.* Между двух революций. Часть вторая // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 447–448. См. подробнее выше, в комментарии к «Гремящей тишине». В письме А.Д. Бугаевой в чрезвычайно сходном рассуждении Белый цитирует другой фрагмент «Куликова поля», а также «Дракона» Владимира Соловьева, указывает на предчувствие мировой войны и в своей «Второй симфонии» («Люблю тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери… С. 227–228; письмо от 23 июня 1916).

Парок бабье лепетанье ~ Темный твой язык учу. — «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина. Белый твердо помнил их в том виде, в котором они были опубликованы после смерти Пушкина и публиковались на протяжении XIX и начала XX в. (с правкой Жуковского). Он неоднократно цитирует эти строки, говоря о желании и умении поэта расслышать смысл кажущегося бессмысленным; о Пушкине в «Жезле Аарона» (Скифы. 1918. Вып. 1. С. 182–183), о Гоголе (*Андрей Белый*. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 75), о Блоке (*Андрей Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг.* Памяти Александра Блока: Открытое заседание Вольной Философской Ассоциации. Томск, 1992. С. 30).

...испарение слова о чаемом воскресении мертвых... — Ср. слова сенатора Аблеухова в финале драматической переработки «Петербурга»: «Чаю воскресения мертвых и сахару будущего века» (*Андрей Белый.* Петербург: Историческая драма / Изд. А.В. Лавров. М., 2010. С. 279).

...пасторали над бездной. — Образ «пасторали над бездной» Белый трактует в «Жезле Аарона» как тупик до-символистской, «парнасской поэтики» и как тупик буржуазного отношения к искусству в принципе (Скифы. 1918. Вып. 1. С. 175). В «Кризисе культуры» (гл. 32) пастораль, противопоставляемая грому в «гремящей тишине», — это «вся культура», которая после Ницше есть «сплошной *тихий час*... перед взрывом всех зданий: каркасов культуры. Но мы тихий час принимали за пастораль кабинета, тихий час — нагнетание атмосферного электричества перед громом грозы; гром последовал: комфортабельный кабинет ваш разорван ...» (*Андрей Белый*. На перевале. М.; Берлин, 1923. С. 176). Позже «пастораль над бездной» появляется в «Москве под ударом» как квинтэссенция обстановки кабинета Мандро и его стиля жизни (глава II, § 24); в «Масках», после начала Первой мировой, у фарфоровой пастушки, игравшей «пастораль над бездной», уже отбита ручка (гл. II, главка «Севрский фарфор леопардовых колеров»).

...монополия «бездны»... — Образ «двух бездн» восходит к творчеству Д.С. Мережковского, прежде всего к его книгам «Толстой и Достоевский. Вечные спутники» и трилогии «Христос и Антихрист». У Мережковского есть и стихотворение «Двойная бездна». См. подробнее в комментарии к этому стихотворению К.А. Кумпан в: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы / Изд. К.А. Кумпан. СПб., 2000.

...с легких слов Достоевского... — Речь идет, вероятно, о мыслях из «Дневника писателя» и «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского. В «Братьях Карамазовых» говорится о Европе-кладбище (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1988. Т. 14. С. 210), в «Подростке» — о «похоронном звоне» над Европой (Там же. Т. 13. С. 374–375).

... все новые сотни тысяч людей, точно рожь в молотилки, ввергаются в ту же полосу... — Источник образа — беседы с Т.Г. Трапезниковым. О январе 1914 г.: «Трапезников както странно говорил о том, что надо держаться скромнее и тише; ‹...› и о том, что человечество вступает в громовую полосу жизни ‹...› Слова странно сплетались с моим состояньем сознания» — из «Материала к биографии» (Минувшее. № 6. С. 366). Этот образ также возникает в финале «Кризиса жизни».

...ты отправишься сам громыхать против пекаря. — «Вот мне и кажется: в Россию мне надо ехать разве что — в лазарет, во фронт; и совсем не кажется мне важным возвращаться в Россию “*an und für sich*”. Кажется, так и будет: либо вернусь в Россию, когда будет окончен Bau, а дела — бездна, либо — прямо вернусь на службу (военную ли, лазаретную ли), если призовут или если придет “*крайняя пора*”» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 51; письмо от 16 марта 1915). «P.S. Как Вы со ”*службой*”? Александр Александрович — тоже ведь?» (Там же. С. 71; письмо от 24 июля 1916, когда Белый уже выезжал в Россию, будучи призван на военную службу. «Александр Александрович» — Блок).

...хор, то есть Ницше, Стриндберг, Толстой, Достоевский... — Об интерпретации Белым в предшествующий данным очеркам период творчества Ницше см., в частности, очерк «Фридрих Ницше», вошедший в «Арабески» (М., 1911. С. 60–91), также статью «Круговое движение» (Труды и дни. 1912. № 4–5, июль–окт. С. 51–73).

Об интерпретации им творчества Достоевского и Толстого см. очерк «Ибсен и Достоевский» (*Андрей Белый*. Арабески. М., 1911. С. 91–100); также: *Он же.* Трагедия творчества: Достоевский и Толстой. М., 1911; *Он же.* Лев Толстой и культура // О религии Льва Толстого. М., 1912. С. 142–171.

Интерес к Стриндбергу вместо Ибсена, о котором Белый писал неоднократно и особенно подробно именно в связи с темой кризиса (*Андрей Белый*. Кризис сознания и Генрик Ибсен // Андрей Белый. Арабески. С. 161–210), — скорее влияние Блока; см. статью Блока в «Трудах и днях» (*Блок А*. От Ибсена к Стриндбергу // Труды и дни. 1912. № 2, март–апр. С. 8–14), журнале, в подготовке которого активно участвовал Белый, а также в переписке этого периода.

...Владимира Соловьева читают на западе: восхищаются «Духовными основами жизни», понимают «Три разговора»... — Антропософское издательство «Der kommende Tag» издавало в это время собрание сочинений Соловьева (см. подробнее в комментарии к «Современным немцам»), куда вошли названные Белым сочинения. Р. Штейнер неоднократно хвалебно говорил о Соловьеве (см., например: *Гурвич Е.Б.* Владимир Соловьев и Рудольф Штейнер. М., 1993).

...Соловьев любил мистиков — Бёме, Экхарта... — Якоб Бёме (1575—1624) — немецкий мистик, был уважаем в символистском кругу (в предвоенные годы его переводил ближайший друг Белого А.С. Петровский — *Якоб Бёме*. Aurora, или Утренняя заря в восхождении. М., 1914); Мейстер Экхарт (ок. 1260 — ок. 1328) — знаменитейший из средневековых немецких мистиков; незадолго до войны был издан «Мусагетом» в переводе причастной к антропософскому движению М. Сабашниковой (*Мейстер Экхарт*. Проповеди и рассуждения / Пер. со ср.-верх.-нем. и предисл. М.В. Сабашниковой. М., 1912).

...«Круппа»... — Фабрики, принадлежавшие семейству Крупп, производили знаменитые немецкие военные пушки.

...после одного московского реферата, которого заглавие видел я напечатанным крупным шрифтом, и «Крупп» стал философом, учеником великого Канта... — Речь идет о статье: *Эрн В.Ф.* От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116–124 (переизд. в сб.: Меч и Крест: Статьи о современных событиях. М., 1915). С этой лекцией Эрн выступал на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 г. Суть доклада словами автора: «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа». Принципиальное антикантианство православного платоника Эрна совпадает со злободневным военно-патриотическим пафосом в заключающей доклад молитве «Богу браней» о том, чтобы «славные войска наши своею духовною мощью и великим покровом Пречистой опрокинули и погнали перед собой бронированные немецкие рати» и чтобы «мы навсегда преодолели не только периферию зверских проявлений германской культуры, но и стали бы свободны от самых глубинных ее принципов». В других статьях Эрна эта линия развития немецкой культуры изначально связывается с Лютером и протестантским отрицанием почитания Богородицы (см., например: *Schmid U.* Russische Religionsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Freiburg; Basel; Wien, 2003. S. 236–237). Философ был сыном обрусевшего немца-лютеранина.

Белого, далекого как от военного, так и от антигерманского или антилютеранского пафоса, поразила в докладе мысль о возможной ответственности Канта за Круппа, об ответственности ведущего созерцательную жизнь философа, ученого или художника за мировую войну — см. очерк «Природа» (Бирж. вед. 1916. № 15488 (7 апр.). Утр. вып. С. 2). Пройдя через цикл «Кризисов», тема нравственной ответственности интеллектуала за мировую войну стала темой «открытия Коробкина» и легла в основу сюжета «Москвы» (см., например: *Спивак М.Л.* Андрей Белый: мистик и советский писатель. М., 2006. С. 230–250; глава «Лейбниц, Крупп и доктор Доннер»).

...семью красками спектра ее не окрасишь... — Спектрального анализа Белому часто приходилось касаться в книге «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», над которой он работал одновременно с дневником, положенным в основу данного цикла очерков; теории света посвящены ее третья и пятая главы.

...оттого-то здесь так умеют молчать, не читать рефератиков: о Владимире Соловьеве, об Экхарте, о «Круппо-Канте»... — «Конечно, я не стал бы сидеть здесь, если бы чувствовалось, что час — наступил, что пришла пора всем — без исключения — послужить России. Под службою я разумею реальное дело, а не "*лекцию*". Но, читая газеты, видишь, что *пока* такой нужды нет, читать же хлесткие рефераты в роде "*от Канта к Круппу*", или вопиять, как Л. Андреев, против немцев (попалась книжка какого-то журнала) — кажется мне теперь, в эти сериозные дни, "*пустопорожним занятием*". Люди умирают в траншеях за Россию, а тут, нате, лекция — "*Душа России*". И хочется воскликнуть: "*Как смеете вы, такие-сякие, теперь, когда молчанием и делом доказывают, что есть Россия*, разливаться словами о России"» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 51; письмо от 16 марта 1915).

«Армия спасения» — международная миссионерская и благотворительная организация, существующая с середины XIX в. и поддерживаемая протестантами-евангелистами. Белый подробно изображает «Армию спасения» в романе «Москва под ударом»; там имитируются и немецкие песенки характерного стиля, которые исполнялись участниками этой организации.

Кризис жизни

Бирж. вед. 1916. № 15472 (30 марта). Утр. вып. С. 2.

Очерк вошел в книгу «Кризис жизни»; 1-я главка очерка с незначительной правкой и немногими дополнениями стала 2-й главой и началом гл. 3 книги; первые два абзаца 2-й главки очерка в расширенном виде вошли в гл. 3 книги, середина 2-й главки очерка в переработанном виде вошла в гл. 5 и 6 книги, продолжение 2-й главки очерка (от «а наш мир — мир искусственных аппаратов...» до «под говором пушек») с незначительными изменениями становится 9-й главой книги; последний абзац главки 2 и вся главка 3 очерка с незначительной правкой образовали 15-ю главу книги. Очерк, таким образом, представляет собой костяк первой части одноименной книги.

...на перевале ~ тело абстракций — машина. — Эти мысли Белый неоднократно повторял. Ср.: «Кризис мира продолжится, пока будем абстракцией мысли мы мерить события мира» — в объяснение революции (статья «Кризис жизни и творчества» — Жизнь. 9 июня [27 мая]. 1918. № 38. С. 3; то же самое в статье «Весенние мысли» — Наш путь. 1918. № 29, май. Гл. 7).

...черствая чувственность... — Подобным образом Белый описывал механизм злодеяний Мандро: от «грома» (*нем.* Donner, ср. гром пушек в этом цикле), через разделение сердца и ума и «черствую чувственность» к жестокости: «Когда посещал импульс Доннера, зов он испытывал сладкий, подобный длиньканью колоколов монреальских капелл ‹...›: из единого центра прокалывался двумя стрелами молньи; тот яркий проторч (в сердце, в голову) перерождал его (сердце и голову); чувственность перерождалася в черствость; так черствая страстность, в годах нагнетаяся, переходила в мучительную, беспредметную ярость, слагавшую образы бестиализма» («Москва под ударом», гл. 2, главка 18).

Слепота — тончит ухо, а глухота — тончит глаз ~ для утончения зрения мы должны протыкать барабанную перепонку? — Перенос чувственных восприятий и речи, их путаница подробнее описываются в «Кризисе мысли» применительно к «александрийскому периоду» развития мысли, например: «говоришь расширенным оком; взираешь словами. Александрийский период есть взгляд — без единого слова; такой взгляд — говорит» (гл. 62 = гл. 24 доклада «Александрийский период и мы в проблеме “Восток и Запад”» (изд. М.С. Киктев) — Ариаварта. 1998. № 2. С. 257–278; перепечатан: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге [Петрограде]: История в материалах и документах [1907–1917]. М., 2009. Т. 3. С. 476–498; и гл. 29 статьи «Восток или Запад» — Эпоха. М., 1918. Сб. 1. С. 161–210).

...опыт Роджера Бэкона... — Роджер Бэкон (примерно 1214–1292) — схоласт, естествоиспытатель. В самом деле одним из первых (или первым) развивал учение о научном эксперименте. Трудно сказать, почему именно ему вменяется в вину «вивисекторский» опыт, скорее всего дело в противопоставлении «темных» Средних веков и Ренессанса.

В «Воспоминаниях о Штейнере» Белый забавно описывает разговор, в котором доктор уличил его в непонимании разницы между Фрэнсисом и Роджером Бэконами (оба теоретизировали об опыте; «Воспоминания о Штейнере», гл. III, § 19). Разговор происходил в январе 1913 г. (см.: *Андрей Белый.* Материал к биографии (интимный...) // Минувшее. № 6. С. 347). В 1915 г. Белый пишет в книге «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности»: «‹...› у Аристотеля, у Галена, у Роджера Бэкона мы видим медленное нарастание холодного, безлюбовного, вивисекционного опыта» (М., 2000. С. 163. § 90). В «Ритме как диалектике», где Белый не склонен обвинять науку в несчастьях человечества, как в публикуемом цикле, но, наоборот, защищается от обвинений в ненаучности, именно Роджер Бэкон (там упоминается и Фрэнсис) описывается как союзник автора, настоящий рационалист и настоящий эмпирик, не понимаемый и гонимый современным ему «формалистом» Дунсом Скотом (М., 1929. С. 16, 84; ср.: *Андрей Белый*. Принцип ритма в диалектическом методе // Вопросы литературы. 2010. Март–апр. С. 272). В «Истории становления самосознающей души» Белый объясняет противоречие противоречивой позицией Бэкона: «‹...› в трудах Роджера Бэкона, который, оставаясь в учении о внутреннем опыте мистиком, вынужден, спасая автономию этого опыта от рационализации реалистов, сформулировать чисто научные представления; и наоборот: становясь в учении о чувственном опыте первым научным методологом XIII столетия, вынужден, спасая автономию этого опыта от кривотолков беспочвенной рассудочности, расширить понятие об опыте, включив в него опыт внутренний и видя целое опытов как мистическую реальность» (цит. по комментарию И.Н. Лагутиной к «Рудольф Штейнер и Гёте...»).

Style jésuite — букв.: иезуитский стиль; в узком смысле — привычное во французском (и слегка пренебрежительное) обозначение нескольких храмов во Франции, построенных в

конце XVI — начале XVII в.; в широком смысле — барокко; для Белого «иезуитский стиль» ассоциируется с мифологизированным образом организации иезуитов как черного тайного магического общества, вершащего или пытающегося вершить судьбы Европы; подробнее о губительной для европейской культуры роли иезуитизма, который автор ставит в один ряд с инквизицией и приравнивает почти к антихристову началу, говорится в «Кризисе сознания» (издано как: *Андрей Белый.* Евангелие как драма. М., 1996; в особенности гл. 16–17). Это же представление зарисовано в образе доктора Доннера в «Москве под ударом». Ему был посвящен в 1923–1924 гг. план романа «Доктор Доннер», о котором сохранились некоторые свидетельства, см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 296 (и комментарий А.В. Лаврова на с. 298). Иезуитизм как крайняя форма католицизма, персонифицированный в образе Доннера, пугал Белого и позже: «Но видеть С‹ергея› М‹ихайловича› в царстве *"Доктора Доннера",* предельного своего врага, — мне невыносимо» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 430; письмо от 25–30 ноября 1926).

О зарождении такого восприятия у Белого в Дорнахе подробно говорится в «Материале к биографии (интимном...)»; страх слежки, вызванный очевидным наличием разведки воюющих держав в районе, находившемся в непосредственной близости от театра военных действий, смешивался с антропософскими представлениями об «оккультном нападении» на Дорнах, о «темных братствах», а нападающий на душу автора «черный король» сближался в его сознании с Влодзимежем Ледуховским, генералом Общества Иисуса, жившим тогда в Швейцарии (см.: *Андрей Белый*. Материал к биографии (интимный...) // Минувшее. М., 1992. № 8. С. 457, 467; № 9. С. 412, 414 и др.; воспоминания о лете 1915 г.). Вообще, представление об иезуитах как о реальных и одновременно оккультных врагах Антропософского общества было распространено среди антропософов, ср. многократные упоминания их в таком качестве в «Воспоминаниях о Штейнере» (гл. 1, § 7; гл. 4, § 4; гл. 5, § 6, 30).

...номинализм новейшей формации критической философии... — «Номинализмом» обычно называют течение средневековой схоластики, полагавшее, что общие понятия, идеи — это только nomina (букв.: имена, т. е. просто слова). Белый упрекает в «номинализме» неокантианство и позитивизм.

...вытяжку для гастрических потреблений... — «Гастрический» («желудочный»), калька с французского gastrique. Употреблялось исключительно в отношении болезней («гастрическая лихорадка», «гастрическое расстройство», нередко с эвфемистической целью); экспрессивным словоупотреблением Белый подчеркивает болезненный характер явления.

...чертить графы... — совр. «графики».

...какая-то «Х» планета... — Латинская буква «икс» (не кириллическая «ха»), т. е. «неизвестное».

...из созвездия Пса... — Не удалось установить, как связано реальное созвездие Большого Пса с привычкой Белого упоминать именно «созвездие Пса» как место, далекое до полной нечеловечности; играет свою роль ассоциация с животным. Образ развит в «Масках»: «В эфире он, отображение прошлого, легкой волной световой, километры отчесывающей от нашей земли: триста тысяч таких километров в секунде; и скоро уже: Домардэн будет зрим в телескоп с Волопаса: с созвездия Солнца — он стерт. Все же: он виден в эфире! / В его физиологии, все еще мысль истощающей, психики нет: психа психика. / Мысль далека, как… созвездие Пса» («Маски», гл. IX, главка «Убит публицист Домардэн»). Однако «созвездие Пса» упоминается еще в «Возврате» («А к созвездию Пса приблизилась

яростная комета» — *Андрей Белый.* Возврат. М., 1905. С. 13; «Старик» считает свое хозяйство — звезды).

Не дети мы Солнца. — «Дети Солнца» — знаменитая драма М. Горького, написанная в начале 1905 г., с надеждой на победу революции; «дети солнца» — метафорическое обозначение светлой природы человечества («Но мы, мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы — дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно — океан энергии, красоты и опьяняющей душу радости!», 2-е действ.). В символистском контексте ассоциируется скорее с книгой Бальмонта «Будем как Солнце» 1903 г. и с «Золотом в лазури» самого Белого, напечатанным в 1904 г. как отклик Бальмонту (сборник открывается посвященным ему циклом стихов). Горький и его публика также помнили пафос Бальмонта.

...мир ~ разве что ~ в беспредметно поющей, аполлоновой музыке наших душ ~ в нем — остаток конкретности. — Тему «музыки душ», воображения и (художественной) фантазии как настоящей реальности в последующие годы Белый развивал в «Глоссолалии» в образе «страны Пант-Азии, Фантазии» или «Аэрии» (Берлин, 1923. С. 67–69, главки 44–45) и особенно подробно, со специфической аргументацией, в очерке «Утопия» (Записки мечтателей. СПб., 1921. Вып. 2–3. С. 139–144).

...мы столетие сотворяли ее... — «Столетие» — именно XIX век, понятый как век рационализма, позитивистской науки и развития техники. Весьма правдоподобно предположить ошибку вместо «столетия» (см. выше «Лучшие традиции Возрождения столетия мы низводим на нет: столетья убиваем конкретную значимость жизни»).

...диссоциация мира в картине научных понятий имеет условный, технический, вспомогательный смысл... — Часто повторяющийся аргумент Белого в критике Канта, неокантианства и других течений мысли, гипостазирующих частную методологию, и в критике «научного мировоззрения» вообще: «‹...› *слово-заговор* продолжает жить в *научной* номенклатуре понятий, смысл которых в *техническом приложении* к опыту: слова *атом, энергия, энтропия* не имеют значенья вне колбы, вне очага и вне холодильника; тем не менее: мы придаем им мировоззрительный, объяснительный смысл; произнесли слово “*атом*”, и тотчас же *магически* объяснили смысл *вселенной*» (Жезл Аарона [первая редакция] — ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 9); «Определение метра по стопам глубоко фальшиво, абстрактно; определение это имеет лишь технический, вспомогательный смысл; возведение этого служебного значения метрики в значенье теории напоминает нам возведение вспомогательного понятия науки (понятия *атом*, молекула) в понятие мировоззрительное; мировоззрительный смысл отсутствует в понятии “атом”, необходимом в опытной технике; атомизм *технически* значим; мировоззрительно — нет...» (О ритмическом жесте — ОР РГБ. Ф. 25. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 16) и др.

Восстание на человека машины — пока что эмблема... — Рассказы о будущем восстании «оживших» машин к началу XX в. были уже распространены. В 1908 и 1915 гг. над темой работал В.Я. Брюсов (см.: Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 95–103; *Ильинский А.* Литературное наследство Валерия Брюсова // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 459–460, 465–466).

Hircus nocturnus — лат. «ночной козел»; воплощение Сатаны в виде козла, которому якобы поклонялись ведьмы на шабаше.

Игнатий Лойола — основатель Общества Иисуса; упомянут только в связи с темой «иезуитства».

...его исповедальня — машина. — В «Кризисе жизни» вариант: «от Рожера Бэкона — к Лойоле; и от Лойолы — к фабричной машине: вот путь нашей жизни. Соединение исповедальни Лойолы с фабричной конторой — сюрприз, ожидающий нас».

...пусть оно осаждается бытом... — Размышления Белого о возможности гармоничного культурного и бытового уклада развиваются в его «Путевых заметках» на примере быта североафриканских народов (см.: *Силард Л.* Несколько примечаний к культурологии Андрея Белого // Русская литература XIX и XX вв. в зеркале современной науки. М., 2008. С. 147–162).

Природа

Бирж. вед. 1916. № 15488 (7 апр.). Утр. вып. С. 2.

Конец 1-й главки очерка (от «каменистые пики грозились» до «незабываемым никогда») с незначительными изменениями входит в «Предисловие» к «Котику Летаеву»; оно датировано автором: «1915 г. Октябрь. Гошенен–Амстэг–Глион–С.Морис» (упомянутые населенные пункты говорят о том же путешествии с северо-запада Швейцарии через центр на юг и юго-запад); таким образом, «Предисловие», так же как и настоящий очерк, является переработкой упомянутого «дневника, давшего начало “Кризисам”» (см. вступ. статью). Первая половина 2-й главки очерка (до «идти на разрыв с нас зовущей природою») с незначительной правкой и дополнениями в начале и в конце стала 7-й главой книги «Кризис жизни». Пассаж из конца 3-й главки очерка (от «помню день» до «природа сознания») обнаруживается в гл. 8 «Кризиса жизни».

Исправлено несколько опечаток газетной публикации (во 2-й главке в газете «переместились» вместо «переменились», пропущено «что» после «учили о том»; эти разночтения можно проверить по «Кризису жизни», хотя в нем добавились неточности, которых нет в газете; в главке 3 в газете «esperience» вместо «experience», «такта» вместо «трактата»).

Размышления князя Андрея Болконского о войне в знаменитом романе Толстого для салонного ли разговора? — Вероятно, речь о хрестоматийной сцене — описании мыслей князя Андрея, лежащего раненым на поле Аустерлицкого сражения, среди шума битвы («И вдруг ничего нет, кроме неба — высокого неба с ползущими по нем серыми облаками — ничего, кроме высокого неба. “Как же я не видал прежде этого высокого неба? — подумал князь Андрей. — Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения”» («Война и мир», часть III, гл. 13). Сравнение автора с Болконским (ср. ниже: «Вспоминаю скитанья в горах; мыслишь там — *ни о чем*») оправдывает место в военном цикле очерка о романтическом путешествии.

Отъезжаете от немецкой границы ~ все реже черные платья... — «Между тем: среди нас стали появляться фигуры в черных платьях; это были матери, сестры и жены уже убитых на войне; появилась вся в черном жена огородника (антропософы развели на склоне “*Ваи”* свой собственный огород); появилась вся в черном Freulein von Heidebrandt (впоследствии учительница Вальдорфской школы); война бесшумно шныряла среди нас; то и дело мобилизацией вырывались работники при “*Ваи*”: тот ехал в Германию, этот — во Францию; уехал Лихтфогель, стал исчезать д-р Унгер, работавший в Штутгарте по мобилизации промышленности; взяли инженера Бразоля (на французский фронт); война напоминала о себе пушечными перекатами,

глухо раздававшимися с горизонта. Я с жадностью зачитывался газетами: начавшиеся успехи русских, взятие Львова меня крайне возбуждали; и я удивлялся равнодушию Аси к войне; вообще: равнодушие, холодность Аси меня угнетали; расхождение наше с ней, столь углубившееся в годах и приведшее к разрыву, сильно подчеркнулось в ту именно осень» («Материал к биографии (интимный...)». Цит. по: *Малмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. № 8. С. 411). Речь идет об октябре 1914 г., через два месяца после начала войны. К этому же времени относится запись «разрабатываю тему "Кризиса жизни" вчерне» (Там же. С. 410).

Возможно, образ «черной женщины» со шрамом на шее, подробно описанной в «Материале к биографии», — символ пагубной страсти и смерти, который через некоторое время становится навязчивым кошмаром писателя, *idée fixe*, — также имеет одним из источников траурное платье. «За мною — невидимо, вся в черном, бродила инкогнито женщина: *агония моя*» (*Андрей Белый*. Записки чудака. Берлин, 1922. Т. 1. С. 184–185; главка «Болезнь»).

...отступая на юг, вы встречаете вновь их... — В «Записках чудака» герой видит женщин в трауре, добравшись до Парижа (*Андрей Белый*. Записки чудака. Т. 1. С. 194–195; главка «Париж»).

Люцерн — знаменитое озеро в центре Швейцарии; на его берегу находится, в частности, упомянутый ниже городок Герзау.

...к темно-зеленому озеру. — Судя по упомянутым населенным пунктам, на пути Белого лежало не только Люцернское, но и Фирвальштедтское, Женевское и другие озера.

Был конец сентября: год сидения в Базельланде довел меня до отчаяния... — Речь о сентябре 1915 г. Белый с Асей окончательно поселились в Дорнахе в марте 1914 г., после поездки в Швецию в июле 1914 г. на курс лекций Штейнера не покидали его.

...вдоль Герзау, Флюэлена, Бруннена и до самого Сен-Готарда. — Герзау, Флюэлен, Бруннен — городки в гористой центральной Швейцарии, в кантонах Швиц и Ури; Сен-Готард — знаменитый высокогорный перевал на юге Швейцарии. В кантоне Ури, на подъездах к Сен-Готарду, находятся и упомянутые в предисловии к «Котику Летаеву» Гошенен и Амстэг (в современной передаче обычно «Гёшенен» и «Амстег»); упомянутые там же Глион и Сент-Морис находятся в юго-западной Швейцарии (Глион на берегу Женевского озера). Поездка упоминается (с теми же населенными пунктами) в «Ветре с Кавказа» (М., 1928. С. 125–127).

Каменистые пики грозились... — Напряженное описание горного ландшафта нередко у позднего Белого; их много в «Ветре с Кавказа», в «Армении»; в письме П.Н. Зайцеву находим специальные отдельные «этюды» по словесной зарисовке горного ландшафта (см.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак. М., 2008. С. 447–448; письмо от 15 июня 1929); именно виды Кавказа, вызывавшие у писателя наибольшие жалобы на ограниченность средств языка (см. упомянутое письмо Зайцеву или: Ветер с Кавказа. М., 1928. С. 117 и след.), стали единственной темой его попыток освоить живопись с натуры (см. о его акварелях, например: *Кайдалова Н.* Рисунки Андрея Белого // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 597–605; *Ота Дзётаро*. «У гор — говор: с-л-о-в-о!»: О горных пейзажах Андрея Белого в собрании Российской национальной библиотеки // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 527–535).

...«штейны» и «горны»... — «Штейн» — *нем.* Stein («камень»), «горн» — *нем.* Horn («рог, пик»); на «-штейн» и «-горн» (в современной передаче иногда «-штайн» и «-хорн») часто оканчиваются немецкие названия гор в Альпах (Цумштейн, Дахштейн, Штральгорн, Маттергорн и пр.).

...шесть систем философии пробежало вершинами... — Белый видит в горном ландшафте отражение того, над чем он работает; «шесть горных долин» как «шесть систем философии» означает, что предмет его размышлений — только что законченная книга «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», а также будущие «Кризис мысли» и «История становления самосознающей души»; в «Ветре с Кавказа» утверждается, что «Казбек есть гигантский ритмический жест», на который следует «взойти пониманием» (М., 1928. С. 242), поскольку в то лето он работал над «Ритмом как диалектикой».

...Гёте, Гердер, Новалис, Шлегель, Шеллинг и Гегель... — Здесь и ниже Белый перечисляет имена, которые являются для него знаковыми в контексте философии немецкого романтизма; эта традиция была особенно близка ему после работы над книгой «Рудольф Штейнер и Гёте...», которой он посвятил всю первую половину 1915 г. перед описываемым путешествием; поэтому книга, направленная против этой традиции, живо задевает автора. Комментированием натурфилософских сочинений Иоганна-Вольфганга Гёте (1749–1832) занимался Р. Штейнер; против его трактовок Гёте была направлена книга Метнера (*Метнер Э.К.* Размышления о Гёте. Кн. 1: Разбор взглядов Рудольфа Штайнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914), ответом на которую послужила упомянутая книга Белого.

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) — немецкий писатель и мыслитель; принадлежал к раннеромантическому движению «Бури и натиска».

Новалис (псевдоним, настоящее имя — Фридрих фон Гарденберг, 1772–1801) — немецкий романтик. Новалиса считали своим предтечей как символисты (ср.: *Силард Л.* Новалис и русская мысль начала XX века // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 136–147), так и антропософы (его бюст стоял, например, в помещении берлинской ветви Антропософского общества, см.: *Тургенева А.А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительство первого Гётеанума. М., 2002. С. 29; Штейнер часто начинал лекции с его афоризмов, см.: *Андрей Белый*. Воспоминания о Штейнере. Гл. 3, § 4; «Новалис» — название современного антропософского издательства). Новалис и «голубой цветок» (который ищет главный герой его романа «Генрих фон Офтердинген») как символ духовной ценности Германии или даже духовной ценности вообще неоднократно упоминается ниже, в очерках «Современные немцы», «Восток или Запад», «Мертвые города», «Петербург и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии». В «Кризисе сознания» Новалис вместе с Рафаэлем и Бахом представляет истинную, «Павлову» ветвь европейской культуры, противопоставленную лживо-«иезуитскому» рококо (*Андрей Белый*. Евангелие как драма. М., 1996. С. 34, § 16).

Трудно сказать, кого из братьев Шлегелей, представителей йенского романтизма, Белый имеет в виду — Фридриха (1772–1829) или Августа Вильгельма (1767–1845).

Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (1775–1884), которого иногда называют главным представителем философии немецкого романтизма, был, безусловно, ближе всех из немецкого классического идеализма и к Вл. Соловьеву, и к Р. Штейнеру. Менее близок (но все же много ближе Канта) им был Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831); однако триадическая схема построения его философской системы в «Феноменологии духа» более всего оправдывает метафору горного хребта.

...мысль и природа — одно. — Парадоксальное учение о тождестве природного и культурного, рукотворного и нерукотворного, направленное прежде всего против неокантианского разделения «наук о природе» и «наук о духе», пространно и аргументированно развивается, например, в письме Иванову-Разумнику (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка.

С. 366–369; письмо от 24–29 сентября 1926). В этом учении в том числе находит отражение интуитивное представление о божественном мастере, прозреваемом в творении, — ср. таинственный взгляд, которым завершается первая часть настоящего очерка, или поданное в «реалистической» стилистике описание двух «художников», создавших ландшафты Аджарии и центральной Грузии, в «Ветре с Кавказа» (М., 1928. С. 64). Кроме того, см. ниже очерк «О злободневном и вечном».

...«манифестация тайных знаков» (Гёте)... — Подробнее см. в работе «Рудольф Штейнер и Гёте...» (М., 2000. С. 163, § 90): «‹…› гетевский опыт есть следование за явлением, как символический жест, передающий нам тайное; он — манифестация *тайных знаков природы*».

...в мягкой проповеди старца Зосимы о единенье с природою... — Старец Зосима — персонаж «Братьев Карамазовых» Достоевского. Речь идет, в частности, об истории его обращения к вере; на дуэли, после выстрела противника, вместо того чтобы стрелять в свою очередь, будущий инок говорит: «Господа, посмотрите кругом на дары божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо, стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...» («Братья Карамазовы», кн. VI, гл. 1, «Воспоминание о юности и молодости старца Зосимы еще в миру»).

...продолжение Баадера, Гамана, Шеллинга в философеме Вл. Соловьева... — Франц Ксавер фон Баадер (1765–1841) — философ и теолог, обычно причисляется к романтизму; Иоганн Георг Гаман (1730–1788), философ, был связан с «Бурей и натиском». В «Воспоминаниях о Штейнере» сохранился пересказ разговора, в котором «доктор» прямо связывал Владимира Соловьева с Баадером и Шеллингом (гл. 2, § 16).

...наш Потебня — продолжение Вильгельма фон Гумбольдта. — Речь о преемственности направления в языкознании, рассматривающего язык как творческую деятельность (народа), от немецкого лингвиста В. фон Гумбольдта (1767–1835) к А.А. Потебне (1835–1891); подразумевается и преемственность между учением Потебни и теорией русского символизма — ср., например, из ее «основных пунктов» в изложении Белого 20-х: «14) Символическая школа видит языковой свой генезис в учениях Вильгельма фон Гумбольдта и Потебни... 15) Но символическая школа не останавливается на учениях Потебни, ища углубления их» (Почему я стал символистом... Анн Арбор, 1982. С. 57, § 6).

...234 страницы объемистой книги... — Книгу Белый называет только ниже — *Lote R*. Les origines mystiques de la science «Allemande» («Мистические корни “немецкой” науки»). Paris, 1913 (repr.: New York, 1981). Автор, Рене Альбер Мари Лот (1883–1944), между двумя мировыми войнами посвятил Германии, Франции и антигерманизму пару десятков культурологических и публицистических сочинений. Белый говорит о его первой книге. Среди последующих, например: Du Christianisme au Germanisme: L’évolution religieuse au XVIIIe siècle et la déviation de l’idéal moderne en Allemagne. Paris, 1914 («От христианства к германству: Религиозное развитие и отклонение новоевропейского идеала в Германии»); Histoire de la culture allemande: Vie politique et sociale, sciences et philosophie, littérature et beaux-arts: «Culture»? ou civilisation? Paris, 1934 («История немецкой культуры. Политическая и общественная жизнь, науки и философия, литература и искусства: “культура” или цивилизация?») и др. Отлично знавший немецкий, во время Второй мировой Рене Лот

был внедрен движением Сопротивления в немецкую оккупационную администрацию в качестве переводчика документов; по всей вероятности, был кем-то выдан и казнен оккупационными властями.

Гёльдерлин… — Иоганн Христиан Фридрих Гёльдерлин (1770–1843) — поэт-романтик.

…Александра и Вильгельма фон Гумбальдтов… — Александр фон Гумбольдт (1769–1759) — брат Вильгельма фон Гумбольдта, ученый-энциклопедист; об остальных см. выше.

Комплот — «заговор» (*фр.* complot).

…Федоров… — Об Н.Ф. Федорове в 1912 г. Белый собирался писать книгу для серии «Русские мыслители» издательства «Путь» (см. подробнее: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Андрей Белый и Н.Ф. Федоров // Блоковский сборник III: Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 147–164). Некоторые черты Федорова угадываются в центральном персонаже рассказа Белого «Иог».

…ведущее к… «Круппу». — О «Круппе» см. коммент. к очерку «Горизонты сознания».

…предтеч политики… Бисмарка — только! — Имеется в виду великодержавная прусская политика, направленная на строительство сильного государства и единой Германской империи, которую удалось создать после Франко-прусской войны 1870–1871 гг., закончившейся тяжелым поражением Франции (потерявшей Лотарингию и Эльзас, непосредственно видный из Дорнаха, как описывается в «Гремящей тишине»); неоднократно говорили, что Отто фон Бисмарк, тогдашний канцлер Пруссии, нарочно спровоцировал войну в целях имперского строительства. Реваншистские настроения во Франции влияли на антигерманизм, отраженный, например, в книге Лота.

«L'experience moderne et l'Allemagne mystique» — «Современный эксперимент и мистическая Германия».

Световая теория Гёте — «мистическая химера»… — Гетевской теории света посвящена особая глава книги «Рудольф Штейнер и Гёте...» (М., 2000. С. 154–198; см. там же: Воспоминания о Штейнере. Гл. 2, § 34).

…«теза, антитеза, синтез»… — триада диалектического развития, основа гегелевской философской системы.

Docteur des lettres — примерно «доктор изящной словесности», французская ученая степень.

«Les origines mystiques de la science "Allemande"» — «Мистические корни "немецкой" науки».

«*Переживание горных ландшафтов и действие природы на нас расширяет наш эгоизм, угрожая спокойствию и благоденствию наций…*» — Очерк «Современные немцы» (см. ниже), фабула «Москвы» и план романа «Германия» мешают понять заключительную сентенцию как чисто пародийную.

У немецкой границы

Бирж. вед. 1916. № 15573 (29 апр.). Утр. вып. С. 2. Очерк в отредактированном виде вошел в книгу «Кризис жизни» (гл. 34–39). В главке 1 в газетной публикации пропущено слово «гладиний» во фразе «лиловеют в гирлянде гладиний его серобокие домики». Во 2-й главе книги Белый исправил опечатки газетного издания: «стальные» на «стильные», «Швеции» на «Швейцарии».

В Базеле созревала мысль Ницше. — Фридрих Ницше преподавал классическую филологию в Базельском университете с 1867 по 1879 г., там же в основном жил после выхода в отставку. В Базельской психиатрической лечебнице он и скончался.

Его любил Бёклин. — Арнольд Бёклин (1827–1901), известный немецкий художник, во многом оказавший влияние на художественное мировосприятие русских символистов. Родился и вырос в Базеле, работал там в последние десятилетия своей жизни.

...профессорствовал ~ Яков Буркхардт... — Якоб Буркхардт (1818–1897), известный немецкий историк искусства и культуры, автор знаменитой книги «Культура итальянского ренессанса» (1860). Родился и умер в Базеле, преподавал историю искусства в Базельском университете в 1858–1893 гг.

...жил ~ Бернулли... — Все семейство математиков Бернулли происходило из Базеля. Якоб Бернулли (1654–1705) преподавал математику в Базельском университете с 1687 г. до кончины.

...действовали и Эразм, и Гольбейн... — См. об Эразме, Гольбейне и важности для Белого идеи о духовном наследстве Ренессанса в комментарии к «Гремящей тишине».

...дом Эразма сереет доселе средь безлюднейшей улицы... — В качестве «дома Эразма» в Базеле показывают так называемый Haus zum Luft (Боймляйнгассе, 18), в котором Эразм жил с 1535 г. и где скончался в 1536 г. В 1522–1529 гг. Эразм жил в Haus zur alten Treu (Надельберг, 17). Из «Материала к биографии»: «Очутившись в Базеле, я бесцельно забродил по улицам; остановился у домика Эразма, пошел обратно, забрел в какой-то неуютный и мрачный кинематограф...» (Минувшее. № 9. С. 437; апрель 1915).

Грюневальд — Матиас Грюневальд (ум. 1528), немецкий художник.

Неттесгеймский Агриппа — Генрих Корнелиус (или Агриппа Неттесгеймский, 1486–1535) — немецкий писатель и оккультист.

...на Юре, на лесистых отрогах Шварцвальда, на гребнях Эльзаса. — Юра́ — невысокие горы в Эльзасе и Швейцарии (вероятно, Белый называет так только швейцарские части хребта), Шварцвальд — в Бадене.

...первое поражение рыцарей швейцарскими мужиками произошло здесь поблизости... — Не вполне ясно, имеется ли в виду победа швейцарцев над австрийцами при Земпахе в 1386 г. или над Швабским союзом в 1499 г. (после чего был заключен «Базельский мир»).

...Мюнстером... — Белый называет «Мюнстером» Базельский собор, по-немецки Basler Münster.

...оконная рама есть рама портретов Гольбейна ~ на старике был берет; и рисовался на фоне он из голубоватых и бледно-зеленых материй. — Описание (берет, фон) похоже на один из портретов Эразма Роттердамского кисти Гольбейна.

...здесь швейцарский поселочек, Риэн; там — баденский Лоррах... — Риэн и Лоррах представляют из себя практически один населенный пункт, разделенный швейцарско-немецкой границей.

Ландштурмисты — резервные военнослужащие, ополченцы.

... из романской Швейцарии... — т. е. франкоязычной.

...спутник мой, доктор гейдельбергского университета (он — русский)... — Речь идет, вероятно, о Трифоне Григорьевиче Трапезникове (1882–1926), окончившем Гейдельбергский университет, защитившем диссертацию в 1904 г. Белый особенно много общался с Трапезниковым в Дорнахе, о чем неоднократно говорится в «Материале к биографии (интимном...)».

«Вюртенбержцы более других немцев — “вольные философы”; напомню: Гейдельберг, Фрейбург в то время были едва ли не центром философской Германии, здесь действовали Виндельбанд, Риккерт, Ласк, Кон, Христиансен; сюда, не в Берлин, тянулись паломники из России (студенты), здесь процветала философия, философия искусства; здесь слушали лекции наши: Степун, проф. Гессен, Яковенко, Б.П. Григоров, Т.Г. Трапезников, Г.Г. Шпетт, проф. В.А. Кистяковский и т. д. Я до 1906 года нацеливался сюда же...» (*Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере. Гл. 4, § 8).

...умер вот Виндельбанд... — Вильгельм Виндельбанд (1848–1915), известный немецкий философ-неокантианец, преподавал в Гейдельберге.

...Риккерт профессорствует теперь в Гейдельберге... — Генрих Риккерт (1863–1936), известный немецкий философ-неокантианец, занял кафедру философии в Гейдельберге после смерти Виндельбанда. Труды Риккерта и Когена были особенно важны Белому в построении теории символизма. См., например: *Zink A*. Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzshes und der Neukantianer. München, 1998. С гейдельбергскими неокантианцами сотрудничали коллеги и оппоненты Белого из журнала «Логос» — Б.В. Яковенко (переводивший Риккерта, в частности), Ф. Степун и др. См., например, статью Белого «Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли» (Утро России. 1910. № 274 (15 окт.). С. 2).

...убит Ласк... — Эмиль Ласк (1875–1915), известный философ-неокантианец, был убит на фронте в Галиции. О реакции Белого на его смерть см. выше, в комментарии к очерку «Гремящая тишина».

...у Гуссерля убит сын… — Эдмунд Гуссерль (1859–1938), известнейший немецкий философ. Его сын Вольфганг был убит 8 марта 1916 г. в Верденском сражении. В 1917 г. был ранен второй сын, Герхард.

Коген — Германн Коген (1842–1918), известный немецкий философ-неокантианец.

Баллон — воздушный шар, аэростат.

«Danse macabre» — фр. «погребальный танец» (иначе «Totentanz» — *нем.* «танец покойников»), тип средневекового сценического действа, впоследствии тема стенной живописи, циклов гравюр и др. Цикл гравюр Гольбейна-младшего, начат около 1526 г., напечатан впервые в Базеле (1538), потом многократно переиздавался (причем автор его расширял).

В «Кризисе сознания» Белый называет другую эстетическую доминанту цикла, также гравюру периода немецкого Ренессанса: «...припадками грома был болен под Базелем я. ‹...› “*Рыцарь и смерть”* я повесил на стенку в своем кабинете; часами смотрел на гравюру угрюмого Дюрера» (ОР РГБ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 1).

Современные немцы

Бирж. вед. 1916. № 15573 (22 мая). Утр. вып. С. 2. Мы исправляем в 1-й главке «враги, обнаружившие шпаги» на «‹...› обнажившие шпаги», в 3-й главке «он же ценен до крайности и представляет собою единство в многоразличии» на «он же целен ‹...›». В предпоследнем абзаце очерка в газете выделены курсивом слова «победа должна быть»; имеет смысл либо выделение всей фразы («победа должна быть победой духа над ненормальной развившейся материальной плотью культуры»), либо отсутствие выделения.

Сохранился первоначальный вариант начала очерка, озаглавленный «Русская литература в Германии» (Неизвестная статья из «швейцарского» цикла Андрея Белого / Предисл.,

публ., коммент. К.М. Азадовского, А.В. Лаврова // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. 1. С. 481–490).

...о Достоевском, Толстом я не стану говорить... — О Достоевском и Толстом в Германии см., например: Russische Literatur in Deutschland / Hrsg. von S. Höfert. Tubingen, 1974. S. 1–115.

...тот считает себя поклонником Гончарова... — Отдельные романы Гончарова издавались в Германии в XIX в., в частности «Обломов» был впервые издан в немецком переводе в 1869 г., через 10 лет после первого русского оригинала. После войны в Берлине вышел четырехтомник Гончарова: *Gontscharow I.* Gesammelte Werke: In 4 Bdn. Berlin, 1920.

...тот цитирует Мережковского... — О Мережковском см., например, восторженные отзывы Томаса Манна: «Dmitrij Mereschkowskij! Der genialste Kritiker und Weltpsycholog seit Nietzsche!» — «Дмитрий Мережковский! Гениальнейший критик и психолог человечества со времени Ницше!» (из «Russische Anthologie», 1921).

...«Книга великого гнева»... — Речь о: *Волынский А.Л.* Книга великого гнева: Критические статьи; Заметки; Полемика. СПб., 1904. Немецкое издание: *Volynskij A.L.* Das Buch vom großen Zorn / Autoris. Übers. nach d. Vollst. russ. Manuskript. Rütten; Loening, 1905.

Аким Волынский — критик, искусствовед, издатель; в конце XIX в. руководил, в частности, отделом критики «Северного вестника», куда привлек только появившихся на литературной сцене декадентов — Гиппиус, Мережковского, Бальмонта, Минского, Сологуба.

...Гоголевской «Женитьбы»; и эта пьеса с успехом проходит в Берлине... — «Женитьба» Гоголя шла в Берлине на Камерной сцене Немецкого театра в переводе Карла Риттера, в постановке Вольдемара Рунге.

...вторым томом выпущен Соловьев... — Речь о: *Solovjeff W.* Ausgewahlte Werke / Aus dem Russ. von H. Kohler. Stuttgart, 1916. Bd. 2. В том вошли работы «Оправдание добра» и «Философия морали». Кроме того, труды Вл. Соловьева издавались в антропософском издательстве «Der kommende Tag».

...«Три разговора» находят поклонников. — «Три разговора» вошли в первый том немецкого собрания сочинений Соловьева (Jena, 1914).

Переводится Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»... — Речь о: *Saltykow-Stschedrin M.* Die Herren Golowljow. Roman / Aus dem Russ. übers. von F. Frisch. München, 1914.

...собираются переводить и Сологуба и Ремизова. — О Сологубе и Ремизове в Германии см. подробнее: Неизвестная статья из «швейцарского» цикла Андрея Белого. С. 487, примеч. 14.

...выдержка в «Zukunft» ~ «Чем мы обязаны русской литературе»... — «Die Zukunft» («Грядущее») — издававшийся в 1892–1923 гг. Максимилианом Харденом еженедельник. Харден перепечатал в № 11 за 1915 г. свое предисловие к № 43–44 (1915) журнала «Die Action», посвященному памяти Л. Толстого. В упомянутом номере «Die Zukunft» был, в частности, напечатан отрывок из «Петербурга» Белого, статья Вл. Соловьева «Сверхчеловек Фридриха Ницше».

...в «Literarische Echo» трактуют о русском народе... — Вероятно, имеется в виду: *Nötzel K.* Das russische Volk in der Beurteilung seiner grossen Schriftsteller // Das literarische Echo. 1916. Heft 8. 15. Januar. S. 474–480 («Русский народ в суждениях его великих писателей»).

...печатают разбор истекшего литературного года в России... — Имеется в виду: *Rudnianski S.* Russischer Brief // Das literarische Echo. 1916. Heft 9. 1. Februar. S. 572–580. Су-

ждения, на которые ссылается Белый, приводятся в русском переводе в: Неизвестная статья из «швейцарского» цикла Андрея Белого. С. 488, примеч. 18–23.

«От Канта к Круппу» — Эрн В.Ф. От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116–124. См. подробнее комментарий к «Горизонтам сознания».

...статье Мережковского «Святая София»... — Речь о: *Мережковский Д.С.* Св. София / Мережковский Д.С. Грядущий хам. СПб., 1906. Немецкий перевод в: *Mereschkowski D.* Der Anmarsch des Pöbels / Übers. von H. Hörschelmann. München; Leipzig, 1907. Статья посвящена храму Святой Софии Царьградской. Эту статью Мережковского упоминал Р. Штейнер в своей лекции «Nationalitäten und Nationales im Lichte der Geisteswissenschaft» («Национальности и национальное в свете духовной науки»), в Берлине 31 октября 1914 г. (опубликована в составе немецкого Полного собрания сочинений Р. Штейнера: *Steiner R.* Gesamtausgabe. Bd. 157: Menschenschicksale und Völkenschicksale).

Не поймет и не оценит ~ В красоте твоей смиренной... — Из стихотворения Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1857). У Тютчева первая строка — «Не поймет и не заметит...».

...полчища немцев валились на Бельгию... — Вторжение немецкой армии в Бельгию без объявления войны началось 4 августа 1914 г.; 20 августа был захвачен Брюссель. В эти дни в английской и французской прессе активно обсуждалась тема разрушения немецкой армией культурных ценностей (например, университетской библиотеки в Лувене).

...три свои излюбленных книги: Заратустру, Евангелье, Фауста... — Образ «трех книг» несколько раз появляется у Белого в описании собственного круга чтения; в «Круговом движении» (1912) три книги, которые сопровождают автора повсюду, — «Евангелие, “Заратустра” и Гоголь» (Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 57, гл. 11); в «Кризисе культуры» (1918) три книги, которые сопровождают его в горах и в пустынях, — «Евангелие, “Заратустра”, “Пути посвящения”» (*Андрей Белый.* На перевале. М.; Берлин, 1922. С. 152, гл. 6; «Пути посвящения» — мистериальные драмы Р. Штейнера).

Если понимать под «немецким солдатом в окопах» упомянутых в предыдущем очерке Эмиля Ласка или Вольфганга Гуссерля, нарисованная Белым картина вовсе не фантастична.

...сообщения о фактах насилия немцев ~ «Португаль»... — Portugal — «Португалия» по-немецки. Германия объявила войну Португалии 9 марта 1916 г., за два месяца до выхода этой статьи. Военные действия велись в основном в африканских колониях. Какие конкретно сообщения о немецких военных преступлениях против португальцев имеет в виду Белый, неясно.

...слова русских женщин, обращенные к ней, я с улыбкой читал... — Вероятно, речь идет о какой-то газетной публикации. Документальные свидетельства о жестокости немцев на Восточном фронте см.: Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (из документов первой мировой войны) / Сост. З.З. Михайлович и Л.И. Полянская; Предисл. акад. Е.В. Тарле. Л., 1943.

...удушает коварно нас газами... — Газовая атака в центре образа Первой мировой в «Масках» (см., например, главку «Правосудие — горло орудия» второй главы. Собственно, противогаз, «противогазовая маска», как он поначалу назывался, — одно из воплощений темы, вынесенной в заглавие романа.

...абстракцию сантиментального философа-немца ~ и абстракцию современного немца — экономиста-милитариста, материалиста и практика ~ современный немец их вяжет в единство. — Белый не забыл о поставленной в этих абзацах творческой задаче и вернулся к ней через 15 лет:

«Задача автора показать: *“двух”* немцев в *“третьем”* немце; один немец — немец эпохи Гёте, поставивший перед Европой проблему культуры; другой — немец эпохи Бисмарка; это — или пангерманист, для которого мир — арена выявления немца и только немца; или капиталист, волящий захвата восточных рынков, экономического завоевания России, и использующий “высокую культуру” Германии начала XIX в. как сладкий дурман для порабощенных; или это — ученый, самоуверенный крохобор-педант, измеривающий горизонты науки углом зрения мещанина.

Задача автора — показать перерождение этих двух немцев в “немца”, выявленного в третьем немце; сквозь забрало “методолога-пангерманиста”, опущенное на подлинное лицо, выступает гримаса сумасшедшего, ибо корни немецкой буржуазной трезвости гнездились в хаотическом анархизме, принявшем форму таимого психического заболевания; сквозь “идеализм” доброго прошлого выглядывает беспринципный авантюризм, и в безумиях силящийся инстинктивно осуществить линию международных хищников; вскрыть борьбу этих двух немцев-декадентов в самосознании героя романа на фоне пестрого, самопротиворечивого быта послереволюционной Германии, в которой уже утоплен быт, в которой и авантюра — фантастика, и фантастика — лишь хищная авантюра действительности; вскрыть этого “немца” — вторая задача автора» (план романа «Германия», 1931; цит. по: *Лавров А.В.* Неосуществленный замысел Андрея Белого // Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи. М., 2004. С. 379–380).

...ну хотя бы вот — Ратенау. — Имеется в виду Вальтер Ратенау (1867–1922). Последующее описание Белым его довоенной деятельности достаточно объективно. О книге Ратенау Штейнер говорил в лекциях 1912 г. (см. «Воспоминания о Штейнере», гл. I, § 6). Впоследствии, в Веймарской республике, Ратенау был министром иностранных дел. 24 июня 1922 г., когда Белый жил в Цоссене, под Берлином, Ратенау был убит террористами; его похороны с массовой манифестацией стали запоминающимся общественным событием, Белый вспоминает их в очерке «Одна из обителей царства теней» (Л., 1925. С. 64) в контексте описания кризиса Германии. Из упоминания Ратенау в «Московском чудаке» (гл. II, § 2) можно заключить, что он стоит за планом похищения открытия Коробкина и производства оружия на его основе.

О злободневном и вечном

Бирж. вед. 1916. № 15635 (23 июня). Утр. вып. С. 2.

Очерк почти без изменений вошел в книгу «Кризис жизни» (1-я главка очерка — гл. 10 книги, главка 2 — гл. 11–12 книги, 3-я главка — гл. 13–14 книги).

У подножия Сфинкса бывал очень часто я... — Белый посетил Каир и окрестности в 1911 г., путешествуя с А.А. Тургеневой. О Сфинксе он тогда же писал матери: «Пишу Тебе, потрясенный сфинксом. Такого живого, исполненного значеньем взгляда я еще не видал нигде, никогда» (письмо к А.Д. Бугаевой от 14 марта 1911; см.: *Воронин С.* «Африка ждет меня»: Странствия Андрея Белого по Северной Африке // Газета Московской организации литераторов. 2005. № 8). Более развернутое описание: «И — более получаса сидели под Сфинксом, одолевая круги выражений большого немого лица: идиотское выражение сменяло, летя, эфиопское; зверское, трупное, каменно-титаническое, царственное, люциферическое, духовное,

ангельское, и — младенческо-чистое; так, как бежит за волною волна, так бежали, сменяя друг друга, круги выражений; и вдруг, закругляясь в единство, круги выражений сцепились в одно выражение: и — прародимое время просунулось в круг выражений времен, зашептав: / — Да, ты — знаешь... / — Ты помнишь... / ..... / — Что? Что? / — Что я помню? / — Что времени больше не будет? / ..... / — Ты — знаешь. Ты — помнишь... / ..... / — Я — знаю, я — помню, но... что?» (Африканский дневник / Публ. С. Воронина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. С. 430). В мемуарах Белый говорит о влиянии момента на творчество: «измененное отношение к жизни сказалось скоро начатым “Петербургом”; там передано ощущение стоянья перед сфинксом на протяженье всего романа» (*Андрей Белый*. Воспоминания. Т. III, ч. II: (1910—1912) // Лит. наследство. Т. 27/28. С. 434).

...в нем слиты полярности пола (он — ὁ Σφίγξ; он — ἡ) — Ὁ Σφίγξ — *греч.* «Сфинкс» (с артиклем мужского рода), ἡ — артикль женского рода; имеется в виду, что «Сфинкс» по-гречески может быть и того и другого рода (хотя на самом деле по-гречески всегда женского, а египетские сфинксы бывают и с мужскими и с женскими лицами). Мы возвращаем утерянный в газете греческий шрифт в имени «Сфинкс» и артиклях после него.

Одного писателя (к сожалению, разменявшего свой талант)... — Речь идет о В.В. Розанове.

...произведения Достоевского в нем сопоставлены с... египетской графикой... — Имеется в виду книга Розанова «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского» (СПб., 1894). Белый писал о ней: «Возвращаясь к истории, он невольно перемещает народности. Достоевский оказывается египтянином. В Египте воскресают черты, нам близкие. Тут Розанов подлинно гениален. Тут имя его останется в веках» (Отцы и дети русского символизма // Весы. 1906. № 1. С. 67). Правда, у Розанова нет речи о графике; это отголосок размышлений автора (ср. ниже о профиле Рамзеса, жесте Ницше и пр.).

...в булакском музее... — Центральный музей в Каире, с самой представительной в мире коллекцией древнеегипетского искусства. Нынешнее здание, построенное в 1902 г., во время посещения его Белым в 1911 было относительно новым.

...Рамзес II, фараон ~ его двойник, полисмен, феллах... — Вариация о Рамзесе на каирской улице (в продолжении «Между двух революций»): «‹...› Булакский музей с возлежащей в нем, как живой, мумией фараона Рамзеса II, разительно улыбавшегося из стеклянного гроба белым зубом своим, с которого не стерта эмаль; и казалось, что встанет; надев модный смокинг, пройдет по проспекту весьма фешенебельно, замешиваясь в утонченные пары из леди и джентльменов в белейших костюмах, в колониальных касках с плещущей вуалью — в хамсин, южный ветер пустыни; небо станет коричнево-бурым тогда от летящих над головою песков; все закутаются в вуали, спасая глаза» (*Андрей Белый*. Воспоминания. Т. III, ч. II: (1910—1912) // Литературное наследство. Т. 27/28. С. 429). Образ совмещения внеисторического, взятого, например, как апокалиптическое, с бытовой топографией, обычен для Белого («Выходишь в Вечность — на Арбат...» — Первое свидание, II, 174; «Это и есть гибель мира ‹...› на Садовой открылись вулканы; пожарные части Москвы проскакали туда» — Записки чудака. М.; Берлин, 1922. Т. 2. С. 178–179; и др.).

...переживание Ганнибала, может быть стоявшего здесь... — Речь о знаменитом переходе Ганнибала через Альпы в 218 г. до Р. Х., во время Второй Пунической войны (описан в XXI книге «Истории» Тита Ливия; сюжет многих картин эпохи классицизма и романтизма).

...покрывало Изиды откинуто. — Символ из «Учеников в Саисе» Новалиса (о Новалисе см. выше, коммент. к очерку «Природа»). В целом рассуждение Белого утверждает, что поэтическое созерцание само по себе, изначально обладает способностью к тому гносеологическому прорыву, на который претендуют такие, казалось бы, разнородные современные (ему) течения, как методология науки, «эзотерическое» обучение и психоанализ (см. ниже о «сублиминальном поле»); а то, что открывается в результате этого познавательного акта, — это индивидуальная судьба как место в истории и как ответ ей.

...в ритме душевные глубины обнажены нам бывают порою... — В годы пребывания в Дорнахе Белый начинает разбирать классические русские стихотворения по методу построения «кривой», предложенной ему А. Барановым-Ремом (см.: *Андрей Белый***.** О непрерывной кривой — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 16); чертеж «кривой» внешне напоминает рисунок горного хребта, и Белому самому приходит в голову не имевшийся Барановым в виду эффект — что «кривая» показывает внутренний смысл стихотворения, «обнажает душевные глубины» (см. там же, л. 2).

...фазы истории; и закон фаз во мне; улови я его — история встанет передо мной разоблаченной в ее объясняющем стержне... — Исходя из этого «гносеологического принципа» позднее написана «История становления самосознающей души», история мировой культуры в «объясняющем ее стержне» развития человеческого духа.

...именуют «сублиминальным полем» сознания... — «Сублиминальный» — букв. подпороговый (*лат.* Limen — «порог»), т. е. находящийся ниже порога осознанного восприятия; термин психологии того времени.

...жест куафёра и жесты Фридриха Ницше... — Куафёр — парикмахер, цирюльник (*фр.* coiffeur), ирон. Ассоциативная связь между Ницше и цирюльником остается неясной.

...улыбкой Джиоконды... — «Джоконда», портрет Моны Лизы работы Леонардо да Винчи, в 1911 г. пропала из Лувра (как выяснилось позднее, была похищена сотрудником музея и вывезена в Италию), была найдена в 1913 г. и возвращена в Лувр в январе 1914 г.; все это сопровождалось чередой скандалов (закрытие границ Франции, увольнение администрации Лувра, подозрения в краже многих известных людей, в частности Аполлинера и Пикассо). Перипетии поисков и возвращения картины бурно освещались в европейских газетах на протяжении всех предвоенных лет; потому Джоконда служит примером «вечного» в «газетном» и «злободневном».

...душа древней критянки... — Раскопки Кносского дворца (означавшие открытие минойской цивилизации), начатые Эвансом в 1900 г., еще продолжались во время Первой мировой и освещались в газетах; речь, как и в случае с Джокондой (и самими публикуемыми очерками), идет о вечных образах, попавших в газетную злободневность. Говоря о критских «модницах» с манерными, в стиле XVIII в., прическами, Белый имеет в виду знаменитые фрески Кносского дворца — те, которые иногда условно называют «Танцовщица» и, особенно, «Дамы в голубом».

Восток или Запад

Бирж. вед. 1916. № 15661 (6 июля). Утр. вып. С. 2.

Очерк с некоторой правкой вошел в большую статью «Восток или Запад», напечатанную в сборнике «Эпоха» (М., 1918. С. 161–210; главки 1–5 публикуемой статьи соответствуют

гл. 2–6 статьи из «Эпохи»), затем в книгу «Кризис жизни» (ее главы 46–50). Мысли очерка развивались затем также в «Кризисе мысли» и «Истории становления самосознающей души». Два явных пропуска газетной публикации восстановлены и отмечены угловыми скобками (первый — «охватить грандиозности кризиса» — по указанным переработанным изданиям, второй — во фразе о Сфинксе, которая в переработанных изданиях совсем изменена, по смыслу).

...на Сандвичевых островах... — Пример экзотического архипелага, населенного аборигенами, впрочем не слишком удачный: Сандвичевы острова (на юге Атлантического океана, в субантарктической зоне) на самом деле необитаемы.

Что «востока» и «запада» нет, было ведомо Гёте... — Имеется в виду его «Западно-восточный диван».

...материю цвета «шанжан»... — Ткань, переливающаяся разными цветами (*фр.* Changeant — «меняющийся»).

...так когда-то напыщенно сказал с кафедры один профессор истории, Гоголь-Яновский. — Известный эпизод из жизни Гоголя. В 1834 г. он читал курс лекций по истории в Петербургском университете. Эпизод известен по воспоминаниям одного из студентов, Н.И. Иваницкого («Мы с нетерпением ждали следующей лекции. Гоголь приехал довольно поздно и начал ее фразой: “Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом”. Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не верили сами себе, тот ли это Гоголь, который на прошлой неделе прочел такую блестящую лекцию?»); эпизод часто пересказывался в биографиях Гоголя, а воспоминания Иваницкого, впервые опубликованные в 1853 г. (Смесь. № 2. С. 119–121), многократно перепечатывались в собраниях документов о Гоголе.

...как попали в Испанию ~ пернатые краснокожие? — Не удалось установить, какая именно из теорий Атлантиды апеллировала к мнимым (или ошибочно трактованным) археологическим находкам артефактов или изображений, восходящих к доколумбовой Америке, в Европе (в Испании или на греческом архипелаге).

...сумеро-аккадийской... — Совр. «шумеро-аккадской», вавилонской.

...«западом» окажется Герберт Спенсер для нашего русского западника... — Г. Спенсер (1820–1903) — английский философ и социолог; ассоциируется с эволюционизмом, позитивизмом, либерализмом. Входил в круг обязательного чтения либерально-профессорского круга конца XIX в. (см., например: Начало века. М., 1990. С. 20; в «Московском чудаке» второй том «Оснований биологии» Спенсера — книга, которую сын Коробкина наугад вытаскивает из отцовского книжного шкафа, — гл. 1, § 4). Белый посвятил Спенсеру некролог (Весы. 1904. № 1. С. 52–54), выдержанный в панегирическом тоне, хотя и с вердиктом, что философия Спенсера все же ниже как кантианства, так и символизма, и иногда цитировал его (Жезл Аарона [первая редакция] — ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 4; О смысле познания, § 3; Дневник писателя // Россия. 1924. № 2. С. 142 и др.).

Заратустра ~ его связь с Гераклитом... — Идею о преемственности мировоззрения Гераклита относительно зороастризма Белый, вероятно, воспринял у Ницше («Философия в трагическую эпоху Греции», § 1, 5–8).

...с Гёльдерлином, Новалисом, Демелем, Моргенштерном... — О Новалисе и Гёльдерлине см. выше, коммент. к очерку «Природа». Рихард Демель (1863–1920) — немецкий поэт, был

близок со Стриндбергом и Пшибышевским. Христиан Моргенштерн (1871–1914) — немецкий поэт, антропософ; Белый открыл «Звезду» посвященным ему стихотворением; о ставшей для него важной единственной встрече с ним Белый рассказывает в начале «Кризиса культуры» (§ 1), в «Материале к биографии (интимном…)» (Минувшее. № 6. С. 356; о декабре 1913) и в других местах. До этого Белый знал о его творчестве — о Моргенштерне писали в «Весах» (1907. № 9. С. 80–84). Немецкие поэты подобраны в списке скорее по стилистическому принципу (по близости к темному, многозначительному, парадоксальному стилю Гераклита), чем по эксплицитно выраженным мировоззренческим тезисам.

...«Гаты» Ясны... — 17 «гат» («песней»), входящих в «Ясну», первый раздел «Авесты» — та часть «Авесты», которую обычно считают самой древней (сочиненной непосредственно Заратуштрой).

...Кант учредитель умственного Китая на западе... — Ср. сон Николая Аполлоновича из «Петербурга» (гл. V, главка «Страшный суд»), где утверждается, что Кант, как и сами Аблеуховы, — «туранец»; затем Аблеуховы — надо полагать, и Кант с ними, — оказываются китайцами (конфуцианцами).

...Шопенгаэур — «индус», перелагает Веданту... — Веданта — субъективно-идеалистическая система индийской философии, развившаяся из мировоззрения «Упанишад»; «Упанишадами» увлекался Шопенгауэр, а его ученик Пауль Дейссен (Deußen, 1845–1919) впервые перевел их на немецкий (Шопенгауэр знал их в латинском переводе). Белый увлекся Шопегауэром еще в юности, в 1897 г., а затем неоднократно читал книги Дейссена: «Индия под флагом теософского модернизма вставала передо мной; и, если я потом сидел над Ведантою ‹...› многотомным сочинением Дейссена» («Начало века», гл. I, главка «Гончарова и Батюшков»). Книга, о которой идет речь, — либо «Das System des Vedanta» (1883), либо многотомная «Allgemeine Geschichte der Philosophie» (вторая часть первого тома (1898) была посвящена «Упанишадам» — «Die Philosophie der Upanishad's»); по-русски выходила другая книга Дейссена — «Die Elemente der Metaphysik» (*Дейсен П.* Основные начала метафизики: Теория познания. СПб., 1889). Позднее Белый вспоминал о 1907-м годе: «С огромным интересом читаю в Париже Дейссена “Философия Упанишад” (большая книга)» (Касания к теософии // Минувшее. № 9. С. 450). Белый несколько раз хвалит Дейссена в «Символизме»: «…соединение научного знания с умением подслушать внутренний ритм описываемых памятников Востока характеризует Дейссена; это умение воссоздать в себе дух философии Востока предполагает и творчество» (Символизм: Книга статей. М., 1910. С. 7); «Дейссен с огромным проникновением вводит нас в понимание сущности метода мышления у мудрецов Индии» (Там же. С. 462 и др.). Перед войной в «Мусагете» в переводе друга Белого, М. Сизова, вышла еще одна книга Дейссена (*Дейссен П.* Веданта и Платон в свете кантовой философии. М., 1911). В послевоенные годы Белый не утратил интерес к немецкому ученому («Весь месяц усиленно читаю Дейссена и переписываю “Кризис сознания”», — Ракурс к дневнику — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100; о сентябре 1920). К этим занятиям восходит индийская образность начала первой части «Первого свидания».

Что такое Фриц Маутнер, Вильгельм Вундт, Бенно Эрдман... — Фриц Маутнер (Mauthner, 1849—1923) — писатель и философ, автор трехтомного «Введения в критику языка» (Beiträge zu einer Kritik der Sprache, 1901–1902). Позицию Маутнера Белый подробнее излагает и критикует в «Жезле Аарона» (Скифы. 1917. Вып. 1. С. 165); в лекциях «О слове»

1927–1928 гг. Белый, давая классификацию «теорий слова», причисляет Маутнера к «лингвистическим» теориям и опять критикует (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 23 об.).

Вильгельм Вундт (1832—1920) — психолог и этнопсихолог; из упомянутых теоретиков языка был наиболее близок к Белому, так как признавал влияние фонетики на образность слова (см. те же лекции, где он включен в ту же «лингвистическую» группу теоретиков слова, что Маутнер и Эрдман, но все же вынесен в отдельный пункт; см. также «Мастерство Гоголя», начало III главы).

Бенно Эрдманн (1851–1921; в газете дважды видим ошибочное «Бэнно-Эрдман») — немецкий философ и психолог, занимался психологией мышления и психологией чтения. Не удалось установить, какую его книгу (или пересказ) цитирует Белый ниже.

...эфиопская гримаса ‹Сфинкса›... — См. выше, коммент. к очерку «О злободневном и вечном».

...Н.А. Бердяев (восточный мистик)... — Вероятно, Белый имеет в виду «Философию свободы» Н.А. Бердяева (М., 1911; ср., например, в ней гл. 3, § 8).

О Русь! В предвиденьи высоком ~ Востоком Ксеркса иль Христа? — Из стихотворения В.С. Соловьева «Ex oriente lux» (1890). У Соловьева 3-я строка «Каким ты ...»; сохраняем «каким же ...» (так же в обоих изданиях «Кризиса жизни» и в статье «Восток или Запад» из «Эпохи»), потому что так мог цитировать Белый, интонационно усиливая вопрос.

...сочетание «западника» Платона ~ что такое схоластика? — Темы подробнее раскрыты в «Кризисе мысли» (§ 13, 22 и др.). Вернувшись из Швейцарии, в октябре 1916 г. Белый пишет в развитие мыслей этого пассажа доклад «Александрийский период и мы в освещении проблемы “восток и запад”» (прочитан в Московском религиозно-философском обществе 30 ноября, а в Петербургском 12 февраля 1917). Текст доклада сохранился, издан М.С. Киктевым в: Ариаварта. 1998. № 2. С. 257–278 (перепечатан: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге [Петрограде]: История в материалах и документах [1907–1917]. М., 2009. Т. 3. С. 476–498). Затем материал доклада был присоединен как продолжение к настоящему очерку и вошел в большую статью «Восток или Запад» (Эпоха. Сб. 1. С. 161–210), материалы которой затем вошли в «Кризис жизни» и «Кризис мысли».

...Бёме и Экхардт... — См. о них выше, коммент. к очерку «Горизонты сознания».

...Гартмана, индуссистов Дейсена, Чемберлена... — Белый имеет в виду Эдуарда фон Гартмана (1842—1906; а не более известного Николаса Гартмана), философа, последователя Шопенгауэра, причастного к выработке «арийского» расизма. О Дейссене см. выше в коммент. к этому очерку. Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) — поклонник и зять Вагнера, создатель расовой «нордической теории».

...западных мифов у Вагнера, Роде, Ницше... — Эрвин Роде (1845–1898) — филолог-классик, учитель и друг Ницше. Как и Вагнер, принял участие в печатной дискуссии после выхода «Рождения трагедии» Ницше. Белый имеет в виду германскую мифологию у Вагнера («Валькирия», «Сумерки богов») и греческую (прежде всего культ Диониса) у Ницше и Роде (в его книге «Psyche», например).

...Спенсер, Конт, Милль... — См. выше примечание о Спенсере. Основоположник позитивизма Огюст Конт (1798—1857) и теоретик либерализм Джон Стюарт Милль (1806—1873) входили в тот же круг чтения.

...но человечество Конта — современная маска «Софии»... — Сопоставление восходит к речи Владимира Соловьева к столетнему юбилею Конта («Идея человечества у Августа

Конта»); понимание Контом общего разума человечества как «Великого существа» сопоставляется с пониманием Софии-Премудрости как идеального человечества.

...возглас: «Или, Или». — «Боже, Боже», первые слова возгласа Христа на кресте (Мф 27: 46).

Мертвые города

Бирж. вед. 1916. № 15745 (17 авг.). Утр. вып. С. 2.

Главки 2-я и 3-я очерка почти без изменений вошли в книгу «Кризис жизни»; 2-я главка стала гл. 41 и 42 книги (в книге добавлен конец, начиная от «прекрасны слова из мистерии Штейнера»), 3-я главка — гл. 43.

...геология — продолжение психологии... — Интерес к геологии спровоцирован горным пейзажем (см. очерк «Природа»), где сложение пород — метафора стиля мировоззрения; оно служит развернутой метафорой процесса развития языка в начале «Глоссолалии»; ср. описание пластов из «Ветра с Кавказа» (М., 1928. С. 121–122), где это метафора истории культур (как и на некоторых цветных схемах, которые Белый рисовал в середине и второй половине 20-х). Нужно вспомнить, что университет, после бурного, но недолгого увлечения химией, Белый закончил, написав диплом по почвоведению, об оврагах (которые он в «Ветре с Кавказа» называет перевернутыми горами. — Там же. С. 279).

...ученик знаменитого Вернера... — Абраам Готлоб Вернер (1749–1817) — геолог, основатель течения «нептунистов» (происхождение пород в большей степени объясняется деятельностью океана, чем вулканической), учитель, кроме упомянутых Белым Стеффенса и Новалиса, одного из крупнейших немецких ученых, Александра фон Гумбольдта.

...Стеффен, норвежский теолог... — Хенрик Стеффенс (1773—1845) — немецкий энциклопедист, норвежец по происхождению; написал, наряду с многочисленными геологическими трудами, и несколько теологических сочинений («теолог» — не опечатка вместо «геолог»), много томов художественной прозы, десятитомные мемуары и др. Переписывался с Гёте по вопросам теории цвета (вероятная причина знакомства Белого с его творчеством).

... Гартенберг ~ Новалис. — О Новалисе см. выше коммент. к очерку «Природа».

О, странных песен сих не пой... — Из стихотворения Ф.И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..». В газете напечатано: «О странных песнях сих не пой»; не исключено, что Белый мог перепутать «страшных» (так у Тютчева) и «странных», но невероятно, чтобы он нелепо изменил смысл всей строки («не пой о чем?» — «о странных песнях»); т. е. «странных» — сохраняемая особенность цитирования, а «песнях» и пропуск запятой после «о» — ошибки набора.

Я понять тебя хочу: / Темный твой язык учу... — См. выше коммент. к очерку «Горизонты сознания».

«Palace» иль «Splendide» — «Дворец» или «Пышный, блистательный» (*фр.*), типичные названия дорогих отелей; в Монтрё, который реально описывает Белый, есть и тот и другой (точнее, Hôtel Fairmont Le Montreux Palace и Hôtel Splendid). В номере Montreux Palace впоследствии долгие годы (1964–1977) жил и умер В.В. Набоков.

...отплясывая «танго»... — Танго, возникшее в Аргентине в креольской (мулатской) среде, в Европе распространилось в первое десятилетие XX в. (как и кэк-уок).

...«danse macabre»... — См. выше коммент. к очерку «У немецкой границы».

В бездне бесцельности / Цельность забвения. — Из стихотворения К. Бальмонта «В чаще леса» (из сборника «Тишина»).

Монтрё — известный курорт в Швейцарии, на берегу Женевского озера. Белый посетил его в ту же поездку, которая описывается в «Природе».

«*Белоштанника*» *видел я...* — Вероятно, имеются в виду белые брюки отдыхающего на курорте.

...ницшевскую «blonde Bestia»... — Die Blonde Bestie (букв.: светловолосый зверь), традиционный русский перевод «белокурая бестия», выражение Ницше из книги «О генеалогии морали», о льве и арийском сверхчеловеке.

Карфагенские бритвы ~ у танганайского негра... — Т. е. форма изделий из Карфагена всплывает в изделиях культур черной Африки. Белый подробнее рассуждает об этом в «Африканском дневнике» (Российский архив: Альманах. М., 1994. Т. 1. С. 362). Рассуждение вписывается в тот тезис культурологической теории Штейнера и Белого, что дикарство есть результат вырождения высоких культур, а не наоборот, как считает обычная историческая наука; соответственно, дикарство реально может быть и будущим европейской культуры. «Танганайский» — с озера Танганьика или из доминиона Танганьика на его берегах (раньше по-русски иногда писали «Танганайка»).

...томагавок «грядущего хама»... — Знаменитое выражение Д.С. Мережковского, название его статьи и сборника статей (СПб., 1906).

...грозит Джиоконде. — См. о Джоконде выше, коммент. к очерку «О злободневном и вечном».

...он «апаш»... — Apache — французское название типажа уличного хулигана, часто связанного с криминалом; образовано от названия индейского племени апачей, нападавших на французские поселения в Америке.

....кек-уок, негрский танец; и «кек-уоком» пошли мы по жизни... — Кэк-уок (cake-walk) — танец американского (негритянского) происхождения, распространенный на рубеже XIX–XX вв., в России известен с первых годов XX в. Белый часто упоминает кэк-уок в годы первой русской революции или в связи с ними: «И, проигравшийся игрок / Я встал: неуязвимо строгий, / Плясал безумный кэк-уок, / Под потолок кидая ноги» (стихотворение «Пир» 1905 г., из «Пепла»); «когда Москва обливалась кровью в декабре и красное зарево пожара сияло над городом, — у Палкина красные неаполитанцы бренчали кэк-уок. Это был не просто кэк-уок: это был кэк-уок над бездной» (из статьи «Штемпелеванная калоша», см. «Арабески». М., 1911. С. 343); «кэк-уок пурги» (Кубок метелей. М., 1909. С. 19). В «Петербурге» кэк-уок присутствует в созданной Дудкиным теории двойной гибели культуры, от наступающего внешнего и растущего внутреннего варварства, во много созвучной с размышлениями настоящего очерка (гл. VI, главка «Опять печальный и грустный»). В автобиографическом письме Иванову-Разумнику приведенной выше строфой из «Пира» Белый характеризует «остывание и потухание настроений» «Золота в Лазури» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка... С. 490; письмо от 13 марта 1927).

Из кэк-уока развился рэгтайм, а затем фокстрот, которым Белый увлекался в своей следующей поездке в Германию.

...печать дикаря, которого якобы цивилизацией рассосала Европа; не рассосала — всосала: ~ И Полинезия, Африка, Азия протекли в ее кровь... — Намек на увлечение примитивным искусством среди артистической элиты начала века, прежде всего французской; логика очерка противопоставляет ей германский «арийский» идеал.

...«Град Новый»: Град Солнца. — Образ «града Солнца», с одной стороны, напоминает о солнечной образности аргонавтического периода Белого (ср. выше, в коммент. к очерку «Кризис жизни», о «детях Солнца»), с другой — совпадает с названием утопического трактата Кампанеллы, а в исторической перспективе в равной степени напоминает и строительство Гётеанума, и социалистическую утопию революции. В военные и революционные годы Белый интересуется Кампанеллой; сохранились его конспекты биографии Кампанеллы (на обороте наброска начала «Записок чудака», — ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 8); вероятно, это материалы к выступлению на заседании «Вольфилы» «Солнечный град» 2 мая 1920 г. (издано в: *Белоус В*. Вольфила. 1919–1924. М., 2005. Кн. 2. С. 435–442). Белый мог толковать «солнечный град» как зерно архитектурной формы, лежащее в основе Ренессанса (*Бугаева К.Н.* Дневник 1929 года // Лица. М., 2002. № 9. С. 131); наконец, в «Масках» «гелио-город» — это просто лучащийся городской вид (гл. 7, главка «Топазовый глаз»).

...будем твердо… арийцами. — Следует заметить, что индоевропейское («индогерманское», «арийское») языкознание, сложившее понятие об «арийском», развилось в той же среде немецкой науки эпохи романтизма, к которой отсылает как упоминание школы Вернера в начале очерка, так и культурный срез в очерке «Природа».

Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии

Бирж. вед. 1916. № 15757 (23 авг.). Утр. вып. С. 2. Мы исправляем по смыслу явную опечатку в 3-й главке: «который в вас вписан» (надо «в нас»).

«Basler Nachrichten» — «Базельские известия». Приводимое Белым библиографическое примечание верно; статья помечена как Korrespondenz, без автора.

...«всешутейший собор» с «всешутейшим» папою... — «Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор» — забава Петра Великого, существовавшая большую часть времени его царствования. Отличался размахом и невоздержностью как в церемониях, так и в документах (нередко матерных); имел черты пародии на католическую, а иногда и на православную церковь (что внесло вклад в восприятие императора как антихриста, о чем швейцарский журналист говорит ниже).

...колоссальнейший памятник делу освобождения крестьян — стоит здесь... — В честь освобождения крестьян строился громадный собор Св. Александра Невского на Миусской площади; к моменту революции был почти закончен, снесен в 1952 г.

...лучший и оборудованнейший русский народный университет... — Имеется в виду Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского; работал в 1908–1920 гг. С 1912 г. находился там же, на Миусской площади, где и собор Александра Невского (вероятно, произведшей впечатление на швейцарского корреспондента).

...слова Достоевского о Петрограде, взлетающем над землею с туманом... — «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: “А что как разлетится ту-

ман и уйдет к верху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой склизкий город. Поднимется вместе с туманом и исчезнет как дым и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жаркодышащем загнанном коне?"» (из «Подростка», гл. VIII, § 1).

...отношении к войне русского общества теперь и одиннадцать лет ранее... — Речь о Русско-японской войне 1904–1905 гг., которую, согласно автору статьи, затеял «Петроград» и не поддержал «народ».

...московский призыв соединенных земских и городских союзов... — В начале войны по инициативе Московского губернского земского собрания был организован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (впоследствии ЗЕМГОР — объединенный комитет Земского союза и Союза городов), деятельность которого на протяжении военных лет разворачивалась, приобретая политический характер, а союз становился все более авторитетным. Возглавлял его князь Г. Львов, впоследствии первый лидер Временного правительства (еще позже осмеянный Белым в «Масках» как Лёва Леойцев); говоря о «frische, liberale Moskau» (в передаче Белого — «живой, либеральной Москве»), швейцарский журналист имеет в виду активизацию политических сил, противостоящих «петроградской» монархии Романовых и вскоре приведших к Февральской революции; он много говорит о деятельности Земского союза и называет Львова «человеком исключительной энергии», противопоставляя «петербургскому бюрократизму», упоминая и слухи о «министерстве ответственности», которое должен был возглавить Львов, о других проявлениях антимонархизма, вспоминает революцию 1905 г.; отношения «Москвы» с «Петербургом», по его словам, сами русские называют «пятым фронтом»; заканчивается статья процитированным по-русски «древним пророчеством»: «Peterburgu bytj pustu!»

...«московский погром»... — 26–29 мая 1915 г. в Москве произошли немецкие погромы. Беспорядки начались среди рабочих ситценабивной фабрики Гюбнера и Рябовской мануфактуры; было разгромлено несколько фабрик и магазинов, принадлежавших предпринимателям-немцам (по слухам, виновным во многих злоумышлениях и бедах военного времени), в отдельных случаях дома владельцев и управляющих, просто принадлежащие немцам и австрийцам дачи. Классовый характер волнений было трудно отделить от «национального», о чем напоминает и автор пересказываемой статьи; беспорядки постепенно приняли массовый и хаотический характер, настолько, что утром 29 мая в Москву были введены войска.

Книгоиздательство «Дидерихс» выпустило брошюру о русском народе... — Вероятно, имеется в виду книга: *Steffen G.F.* Weltkrieg und Imperialismus — Sozialpsychologische Dokumente und Beobachtungen vom Weltkrieg 1914/15. Jena, 1915.

«Гелертер» (*нем.* Gelehrter) — ученый; книжный червь (ирон.).

Новалис — см. выше, в коммент. к очерку «Природа».

Подготовка текста и комментарии Д.О. Торшилова, Е.В. Глуховой